

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK POST

МЕГАН ГОЛДИН НЕ ЗАСЫПАЙ

УБИЙСТВО,
КОТОРОЕ ОНА НЕ ПОМНИТ

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Новый мировой триллер

Меган Голдин

Не засыпай

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Голдин М.

Не засыпай / М. Голдин — «Издательство АСТ», 2022 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-152978-9

Лив Риз просыпается в такси, не понимая, где она и как сюда попала. Она доезжает до своего дома, но там уже давно живут незнакомые люди. Она тянется к телефону, чтобы позвать на помощь, но обнаруживает, что его нет. На его месте окровавленный нож. Ее руки покрыты нацарапанными сообщениями, словно граффити на коже: «Не засыпай». Два года назад Лив работала писателем в модном журнале, а теперь она потеряна, даже город вокруг не похож на тот, что она помнит. К своему ужасу, в местных новостях Лив видит сообщение о месте преступления. Кровью жертвы на окне написано все то же сообщение: «Не засыпай». Что она делала прошлой ночью? И почему не помнит последние два года?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-152978-9

© Голдин М., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	17
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	32
Глава одиннадцатая	35
Глава двенадцатая	39
Глава тринадцатая	41
Глава четырнадцатая	43
Глава пятнадцатая	47
Глава шестнадцатая	49
Глава семнадцатая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Меган Голдин Не засыпай

Megan Goldin
STAY AWAKE

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения литературных агентств

The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского Быстрова Никиты

Оформление обложки Воробьева Александра

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook), относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской и чья деятельность в России запрещена.

© 2022 by Megan Goldin

© Быстров Н. А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

К «TLEA».

С любовью

«Только то, что вы параноик, не означает, что они не следят за вами».

Джозеф Хеллер, «Уловка-22»

В тексте романа упоминается Instagram (Инстаграм) – продукт компании Мета (Мета), признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

Глава первая

Среда, 2:42

Уличные фонари мигают вспышками света, словно делясь секретом, когда я просыпаюсь, завалившись на заднем сиденье такси, не имея ни малейшего представления, как я здесь оказалась или куда направляюсь.

Словно загипнотизированная, я пялюсь в окно на проносящиеся огни города, оставляющие полосы на одеяле темноты, убаюканная задумчивым бормотанием радио в машине.

– Осталось недолго, – себе под нос говорит водитель, внезапно затормозив на красный свет.

Мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида, а затем светофор меняет свой свет и город продолжает движение в круговороте неона.

– Эта песня для всех тех, кто не может заснуть, но ищет сна, словно несчастный влюбленный, – поэтичная фраза диджея исчезает под перебор акустической гитары.

Мы пересекаем Бруклинский мост, слушая Пола Саймона, поющего о пустых глазах луны. Я смотрю ввысь, поверх зазубренных очертаний городского силуэта. Этой ночью на темном небе нет луны. Когда мы двигаемся по лабиринту сонных улиц, в отдалении зловеще завывает сирена.

– Приехали, – голос водителя прорывается сквозь путаницу моих дремотных мыслей.

Я расплачиваюсь помятой пятидесятидолларовой купюрой, сжатой в кулаке, и перехожу дорогу с односторонним движением, направляясь в квартиру, которую делю с Эми. Квартира находится на втором этаже в старом доме из красновато-коричневого песчаника, превращенном в современный многоквартирный дом с открытой верандой на крыше.

Подойдя к уличной двери, я понимаю, что у меня нет ни ключей, ни кошелька. Я устало облокачиваюсь на шершавую кирпичную стену у входа и неохотно нажимаю на кнопку домофона, чтобы разбудить Эми.

– Ну же, Эми. Пожалуйста, будь дома.

Листья опадают с полуобнаженных деревьев, словно осенний дождь. Я отворачиваюсь, а затем снова на них смотрю. Падение листьев не просто аномально. Оно невозможно. Кто когда-либо слышал про листопад в середине лета?

Наблюдение за листьями, неестественно мягко падающими на тротуар, усиливает тревогу, которую я ощущаю после пробуждения в такси. Последнее, что я помню, прежде чем я открыла глаза, – это то, как я сидела за своим залитым солнцем столом у офисного окна, пока не вздрогнула от внезапного звонка стационарного телефона.

– Лив слушает, – сказала я в трубку, глядя в окно на чудесное летнее небо.

Все, что было после, как в тумане – до данного момента.

Мое дыхание витает в холодном воздухе, словно беспокойный призрак. Лето, с дрожью понимаю я, исчезло, словно излом времени.

Я жму на кнопку домофона снова и снова. Каждый раз я держу палец на кнопке чуть подольше, пока, наконец, на кухне не загорается свет, озаряя крыльцо. Я слышу громкие шаги по лестнице.

– Эми, мне так жаль... – начинаю я, когда дверь в здание открывается.

На пороге стоит не Эми. Это двое незнакомцев. Высокая женщина с прямыми волосами. Светлыми, только из салона. На ней пижама с синими кроликами. Босые ноги с педикюром. Рядом с ней высокий, спортивный мужчина со взъерошенными светлыми волосами и такого же цвета щетиной. На нем серые спортивные штаны и белая футболка, которую он приподнимает, почесывая подтянутый живот.

– Какого черта вы звоните в нашу дверь посреди ночи? – отчитывает меня женщина.

– Я не знала, что у Эми сегодня ночуют друзья, – бормочу я, опешив от ее тона.

Это не первый раз, когда я возвращаюсь домой и узнаю, что незнакомые мне люди живут в моей квартире. Эми – восхитительный врач, выпустившаяся в числе лучших. Я люблю ее до смерти, но она может быть рассеянной и не уведомляет меня о тех вещах, которые считает приземленными. Вроде друзей из родного города, ночующих на полу нашей гостиной пару недель.

– Я Лив, – представляюсь я. – Мне так жаль, что я вас разбудила. Я забыла ключи от дома. Опять, – осуждая саму себя, я закатываю глаза.

Женщина все еще мрачно сверлит меня глазами.

– Вот почему я позвонила в дверь... – мой голос слабеет.

Никто из них не уходит с дороги. Их пустые выражения лиц нервируют меня.

– Ну, я думаю, мне лучше подняться наверх и немного поспать. День был длинным, – я делаю шаг вперед, желая попасть в свою теплую квартиру и, желательно побыстрее, в свою комфортную постель. Как только я пересекаю порог, женщина захлопывает дверь, пытаюсь меня не впустить.

– Ай, – я морщусь, когда дверь ударяет меня по ноге.

Несмотря на боль, я не убираю ногу с порога.

– Вам пора, – говорит она мне.

– Это моя квартира, – я указываю на второй этаж.

– Это мы тут живем, – возражает мужчина. – Вы ошиблись.

Я почти верю ему, пока мой взгляд не падает на примечательный кафельный пол и на сделанные из темного дерева перила с загнутым краем. Это уникальные приметы времени, оставленные, чтобы сохранить исторический колорит здания.

– Я живу наверху с Эми уже много лет.

Его лицо озаряется при упоминании Эми, будто он услышал что-то знакомое. Я облегченно выдыхаю. Теперь мы говорим об одном и том же.

– Эми Декер? – спрашивает он.

– Да!

– Это тот доктор, чью почтовую макулатуру мы получаем, – говорит он своей девушке, будто бы я не стою рядом.

Я хочу сказать ему, что Эми все еще тут живет. И я тоже. Я прикусываю язык, понимая, что последнее слово будет за ними. В конце концов, это я стою на холодной улице.

Мягкий теплый свет манит из приоткрытой двери квартиры наверху. Меня мучает желание подняться туда и продолжить свою жизнь. Единственный способ сделать это – убедить их впустить меня.

– Извините меня за эту неразбериху, – заискиваю я. – Ну и ночка! Я потеряла свою сумочку и телефон, – я дрожу от холода. – Могу я хотя бы воспользоваться вашим телефоном и позвонить своему парню, Марко, чтобы он приехал и забрал меня? На улице очень холодно.

Женщина убийственно смотрит на меня. Я могла бы умереть от переохлаждения на пороге, и ей было бы все равно. Ее парень излучает большее сочувствие.

Я смотрю на него широко раскрытыми, умоляющими глазами. Он колеблется и затем толкает дверь, чтобы впустить меня. Его девушка метает в него взгляды, будто кинжалы, за то, что он уступил. Ее ноги сердито топают по лестнице наверх.

Глава вторая

Среда, 3:08

Вся моя уверенность исчезает, словно лопнувший пузырь, как только я захожу внутрь. Я совершила большую и досадную ошибку. Это не моя квартира. Конечно, планировка та же самая. Но обстановка совершенно иная.

Квартира выглядит как обложка каталога «Икеи», ее интерьер в цветовом сочетании белого и естественных оттенков продуман до мелочей. Даже кухонные шкафчики новые.

Мой проверенный временем обеденный стол из тика, мой потрепанный персидский коврик и моя цветастая, сделанная вручную книжная полка, заполненная моей эклектичной коллекцией книг и журналов, – все это заменено минималистичным дизайнерским шиком.

Я уже собираюсь принести извинения и уйти, когда мой взгляд падает на ярко разрисованные цветочные горшки, стоящие в окне дома напротив. Я годами наблюдала этот вид. Это определенно моя квартира.

Голова кружится от вопросов. Кто эти люди? Где мои вещи? Самое важное – хотя я едва ли могу думать об этом, – почему я забыла, что больше тут не живу?

– Где Шона? – спрашиваю я, остановившись на практических вопросах.

– Кто?

– Моя кошка!

– Прошлой зимой в дом все норвила залезть какая-то одноглазая рыжая кошка. Мы отнесли ее в приют.

– Вы убили мою кошку? – я ужасаюсь их бесчувственности.

– Мы ее не убивали. Мы отдали ее в приют для животных.

– Что, по-вашему, делают в приюте с полуслепыми кошками?

– Слушайте, – нетерпеливо перебивает женщина, протягивая мне телефон. – Нам обоим нужно идти спать. У нас обоих рабочие совещания рано утром. Позвоните своему парню, а затем спускайтесь и ждите его на улице.

Я, едва ее слыша, прохожу через открытый дверной проем – в свою спальню.

– Эй, вам нельзя туда входить! – кричит она, идя следом.

Ультрасовременная кровать на платформе, смятые простыни из бамбукового волокна – не мои. Металлический торшер и абстрактный узор «зебра» на стене – тоже. Я беру фоторамку с прикроватного столика. Люди на фото мне незнакомы.

– Не трогайте! – Она вырывает у меня рамку.

Я едва понимаю, что ее лицо слишком близко к моему. Кожа покрылась красными пятнами, что напрочь убивает природную красоту этой женщины. Ее крик заглушается треском внутри моей головы. Он все убыстряется и убыстряется, пока не начинает звучать как счетчик Гейгера в месте радиационного загрязнения.

– Грант, звони копам, – приказывает она.

Звук в голове резко обрывается. Последнее, чего бы мне сейчас хотелось – это столкновение с полицией. Я ясно осознаю, что они не займут мою сторону. Пусть я и в смятении, но знаю, что ситуация явно не в мою пользу. Мне едва ли удастся объясниться с полицией, когда у меня нет ни малейшего понятия, что происходит.

– Подождите! – говорю я громче, чем необходимо. – Я ухожу.

Ноги трясутся, я крепко держусь за перила, чтобы не упасть, и спускаюсь к выходу на улицу.

– Больше не возвращайтесь. Если я увижу вас тут снова, тогда мы *точно* вызовем копов, – говорит женщина, стоя на лестничной площадке. Я открываю дверь и выхожу в холодную ночь.

Опустившись на верхнюю ступеньку крыльца, я облакачиваюсь на кирпичную стену под панелью домофона, пытаюсь придумать, куда мне идти. Меня выбросили на холодную улицу из собственного дома посреди ночи. Я напоминаю себе, что это больше не мой дом. Пара наверху, очевидно, живет тут уже какое-то время.

Голова пульсирует от растерянности. Я осматриваю свои карманы: вдруг я запихнула свой телефон куда-то. В переднем кармане джинсов я нахожу пачку наличных. В кармане длинного кардигана лежит какой-то предмет, завернутый в футболку.

Я кладу футболку на колени и аккуратно разворачиваю ее. Внутри – нож из нержавеющей стали, в крови, такой свежей, что я чувствую ее запах. Нож падает на ступеньку, с металлическим звоном ударяясь о бетон.

Мне противно коснуться клинка. Немного поколебавшись, я поднимаю его футболкой и бросаю все вместе в урну, установленную рядом с кирпичной стеной. Закрыв веки, я слышу, как захлопываются дверцы машины чуть выше по улице. Это такси высаживает пассажиров. Я стою посреди улицы и машу автомобилю, который едет ко мне, освещая фарами мокрую дорогу.

– Куда? – спрашивает водитель, как только я забираюсь внутрь.

Я даю ему адрес Марко, хоть и не знаю, как Марко отреагирует, когда я окажусь у него в середине ночи. В наших отношениях есть четкие границы. Одной из них является то, что мы не заваливаемся друг к другу без предварительного звонка. У нас даже нет ключей от квартир друг друга. Я убеждаю себя, что Марко не захотел бы, чтобы я блуждала по темным улицам, не имея места, куда можно пойти.

Городской свет пульсирует в отдалении, пока такси петляет по почти пустым улицам под печальные мелодии Билли Джоэла, поющего «доброй ночи» своему ангелу по радио. Когда мы проезжаем фонарь, я замечаю надписи на тыльной стороне своих ладоней. Я выгляжу, как человеческий щит с граффити.

Разобрать можно лишь некоторые послания. Большинство стерлись настолько, что они едва ли различимы в свете фонарей, периодически озаряющих меня.

Над костяшками пальцев черной шариковой ручкой написаны буквы. Я прикладываю кулаки друг к другу. Буквы складываются во фразу «НЕ ЗАСЫПАЙ». Над правым запястьем я записала название и адрес места «Ноктюрнал».

Я наклоняюсь вперед и говорю водителю везти меня туда.

Глава третья

Среда, 3:44

Я прижимаюсь лицом к рифленому стеклу двери в бар, но ничего не отзывается в памяти при виде «Ноктюрнал». Размытые цветные пятна двигаются за толстым стеклом в стиле «ар-деко», будто ожившая картина импрессиониста.

Рев бара выливается на улицу, когда открывается дверь. Цветные кляксы, которые я видела сквозь узорчатое стекло, превращаются в людей в длинных плащах, обматывающих шарфы вокруг шеи. Их пьяные глаза ищут проезжающие такси, пока они громко переговариваются между собой голосами, еще не настроенными на тихую улицу.

Как только они проходят мимо, я хватаюсь за дверь, прежде чем она захлопывается, и вхожу в темную, словно пещера, комнату, наполненную тусклым светом и оглушающим гулом смеха и звенящих бокалов.

– Мы скоро закрываемся, – говорит официантка так, словно знает меня.

Она отсоединяет бархатный красный шнур. Он падает позади меня, когда я захожу внутрь. Справа закрытая зона с пустыми ресторанными столами. Уборщик в белой форме бесшумно моет пол, будто медленно танцует во сне.

Я спускаюсь по двум ступенькам в оживленную барную зону и теряюсь в компании восьмерых людей, встающих из-за стола. Вставая, они царапают своими стульями пол и пьяно бредут в сторону выхода. С ними уходит и основной шум.

Пара прожженных пьяниц остаются, сидя на барных стульях, будто на жердочках, и опрокидывая свои стаканы. Никто из них не разговаривает. Их взгляды прикованы к стаканам с жидкостью, будто бы это их единственный источник покоя. Позади барной стойки располагается трехстворчатое зеркало тридцатых годов прошлого века.

Я будто бы смотрю на искаженную версию себя в ярмарочном зеркале. Мои волосы очень длинные и намного темнее моего натурального каштанового оттенка. Теперь это цвет кофе, американо. Я заплетаю их в косу, чтобы не мешали, и удивляюсь тому, как умело я делаю это, хотя никогда этому не училась.

Бармен с темной козлиной бородкой и в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, обнажающими татуировку, наливает напиток мужчине, ссутулившемуся на барном стуле. Бармен смотрит прямо на меня, и его широкая улыбка наполняется теплотой узнавания.

– Лив!

Я так удивлена тому, что незнакомец знает мое имя, что инстинктивно оглядываюсь – не стоит ли рядом моя тезка.

– Я знал, что ты вернешься перед самым закрытием, – все происходит так, будто бы он продолжает предыдущую беседу. – Что тебе налить, Лив? За счет заведения.

– Спасибо, но мне хочется только воды, – говорю я, неловко садясь на свободный стул за стойкой. – Сегодня не пью.

– Пару часов назад ты совсем не то говорила, – усмехается он, протягивая мне стакан ледяной воды.

– Я была тут раньше?

Глаза бармена весело пляшут, наблюдая мой ступор.

– Конечно. Где-то в десять. Ты выпила несколько бокалов и затем ушла.

– Одна?

– Ты была с каким-то парнем, Лив, – отвечает он, внимательно глядя на меня. – Ты не помнишь?

Тревога сдавливает мне грудь. Прямо сейчас бармен, очевидно, знает обо мне больше, чем я сама.

Должно быть, я была тут с Марко. Возможно, мы пили. Это объяснило бы ощущение, будто я вне своего тела, появившееся у меня, когда я проснулась в машине.

– Сейчас все как в тумане, – объясняю я. – Как он выглядел? Парень, с которым я была.

– Я видел только ваши затылки, когда вы уходили. Народу было – не протолкнуться. Ты знаешь, как тут бывает, когда у нас играет группа.

Я понимающе улыбаюсь, хотя ничего не помню. Ни бармена. Ни бара. Ни мужчину, с которым я ушла вечером. Я меняю тему и спрашиваю, не оставляла ли я сумочку или мобильный телефон, когда была тут прежде. Оказалось, что они пропали.

– Я ничего не видел, но я спрошу у персонала, когда мы закроемся, и дам тебе знать, когда ты придешь завтра, – он наливает жидкость в шейкер для приготовления коктейлей.

Я так крепко задумываюсь, пытаюсь восстановить события прошлого вечера из тех крупиц информации, которые дал мне бармен, что подпрыгиваю, когда он ставит передо мной коктейльный стакан и просит высказать свое мнение.

– Это новый взгляд на джин-тоник. Я использую имбирный эль вместо тоника. Попробуй. Когда алкоголь касается моего горла, я вздрагиваю.

– Не нравится?

– На самом деле, довольно неплохо. Просто я сегодня не в настроении пить.

Я сдерживаю усталый зевок. Латунные часы на стене говорят, что уже почти четыре утра.

– Мне пора. Я уже давно должна была лечь, – шучу я.

– Но в это время ты никогда не спишь, – заверяет меня он.

– Тогда что я делаю?

– Сидишь тут. Пьешь. Разговариваешь со мной. Пробираешь мои новые коктейли. Что угодно, только не спишь.

– Почему?

– Ты ненавидишь спать. Особенно по ночам.

Управляющий оповещает всех, что бар закрывается через пять минут. Как по команде, все выпивохи проглатывают то, что осталось от их напитков, и шеренгой выходят через главную дверь на улицу. Я остаюсь побеседовать с барменом, пока персонал поднимает стулья на столы.

– Откуда ты знаешь обо мне так много?

– Ты рассказываешь мне все секреты, – поддразнивает он меня.

– Какие секреты?

Вместо ответа он показывает на написанные шариковой ручкой буквы над моими костяшками, складывающиеся в слова «НЕ ЗАСЫПАЙ». Я смущенно прячу руки.

– Я иногда пишу себе напоминания, – застенчиво объясняю я. – Дурная привычка. С детства.

– Ты делаешь это, чтобы ничего не забыть. Вот, например, – он указывает на надпись у меня на руке, которая гласит «НЕ СПАТЬ!» Под ней надпись «ПРОСНИСЬ», почти спрятанная рукавом.

– А почему я не люблю спать?

– Ты боишься того, что делаешь во сне. – Он снимает с плеча белое полотно и насухо вытирает пивной стакан, пока я осознаю его слова. – По крайней мере, именно это ты как-то мне сказала.

– Что бы я такого могла сделать во сне? – спрашиваю я.

Затем я вспоминаю окровавленный нож.

Глава четвертая

Среда, 7:35

Дарси Хэллидей протискивалась сквозь толпу, прижавшуюся к полицейским ограждениям у входа в многоквартирный дом. Телевизионная команда настраивала камеру и звуковое оборудование около патрульной машины с включенными проблесковыми маячками. Напудренная репортерша бродила рядом, репетируя свои слова.

Никто не обратил на Хэллидей внимания, когда она зашагала к полицейской ленте. На ней были синие шорты для бега и розовая майка из лайкры. Раскрасневшаяся и вспотевшая от утренней пробежки, она выглядела как любой другой любопытный бегун, остановившийся, чтобы посмотреть, что происходит.

– Не задерживайтесь. Тут не на что смотреть, – приказал коп из оцепления вокруг здания. Хэллидей проскочила в брешь в толпе и нырнула под полицейскую ленту.

– Мисс, вам нельзя дальше, – гаркнул коп. Он уже хотел было преградить ей путь, когда заметил значок детектива, который она протягивала.

Детектив прошла мимо него и зашагала в подъезд. Она была на утренней пробежке до участка, когда в рабочий чат пришло сообщение об убийстве на Пятьдесят Третьей-Ист. Капитан спросил, не находится ли кто-то из детективов поблизости.

– Я в квартале от этого места, – ответила она, хотя была в трех кварталах отсюда.

Тем не менее детектив все равно находилась ближе всех. Она пробежала мимо пробок, уверенная, что будет первым следователем на месте преступления.

Спустя два месяца после того, как Хэллидей на полгода перевели в отдел убийств, она еще не работала над собственным делом. У нее даже не было постоянного напарника. Дарси была запасной парой рук, приписанной к отделу, чтобы помогать другим детективам с их расследованиями. Она знала, как все устроено. Все крутилось вокруг репутации. Два месяца Хэллидей пахала, чтобы заработать себе имя. Как ей казалось, у нее это получилось. С лихвой.

Хэллидей шесть лет с отличием служила в армии, в течение этого времени неоднократно летала в Ирак и Афганистан. Она устроилась в полицию Нью-Йорка после того, как уволилась со службы. Первые два года она была патрульным, иногда работала с отделом нравов, когда им нужна была разодетая шлюхой приманка. После сдачи экзамена на детектива, ожидая перевода в убойный отдел, Хэллидей работала как криминалист, а затем пять месяцев в отделе по особо важным делам. Перевод произошел, когда понадобилось временно заменить детектива, ушедшего на долгосрочный больничный.

Хэллидей более чем заслужила свой значок. Пока что ее работа в убойном отделе напоминала ей первый год в патрульной службе, где к ней относились как к зеленому салаге, несмотря на ее военную службу и боевой опыт. Поэтому, когда она увидела, что была поблизости от места убийства, то ухватилась за возможность первой взять дело.

– Какой этаж? – спросила она консьержа, показывая значок.

– Шестой.

Хэллидей побежала по лестнице, чтобы не ждать лифт. На лестничном пролете шестого этажа она расстегнула свою сумку для бега и достала рубашку офицера нью-йоркской полиции и синие нейлоновые спортивные штаны, которые хранила для подобных случаев.

Она оделась и расчесала пальцами каштановые волосы до плеч, а потом открыла дверь лестничной клетки, выйдя в коридор, где коп опрашивал рыжеволосую женщину возле квартиры, опечатанной полицейской лентой.

Женщина говорила на ломаном английском с сильным восточноевропейским акцентом. Хэллидей предположила, что именно она позвонила в 9-1-1 после того, как нашла тело.

– Имя уборщицы – Ольга Кузнецов, – сказал Хэллидей патрульный, когда она отвела его в сторону, чтобы быстро выяснить все подробности. Он неправильно произнес имя. – Она говорит, что приехала убраться в начале восьмого. Нашла мертвого мужчину в кровати. Видимо, она убирается в квартире пару раз в неделю. Владелец остается на несколько ночей. Все остальное время он сдает квартиру на «Эйрбиэнби» или каком-то еще сайте.

Хэллидей повернулась к уборщице.

– Мертвый мужчина – это владелец?

– Я никогда не видеть владельца до этого. Он всегда на работе, когда я убираюсь. Консьерж дает мне ключи. Я даю ключ обратно после того, как заканчиваю, – объяснила Ольга на ломаном английском.

Рядом с ней стояла тележка уборщика. Ольга рассказала им, что работает на компанию, которая предоставляет услуги по уборке квартир, сдающихся на непродолжительный срок.

– Ольга, вы выносили что-нибудь из квартиры? Полотенца, постельное белье, мусор, что-нибудь еще? – спросила Хэллидей.

– Я выкинула один пакет из кухни, – она указала на мусоропровод у лифта.

Офицер полиции, который опрашивал ее, тихо застонал. Он знал, что это значит. Ему придется спуститься с Ольгой в мусороприемник, чтобы опознать пакет, который она выбросила.

Хэллидей достала из своей сумки перчатки для работы на месте преступления, надела их и бахилы. Другой коп стоял у двери опечатанной квартиры.

– Кто-нибудь из детективов уже приехал? – спросила Хэллидей, беря доску-планшет и расписываясь.

– Вы первая, – ответил он.

Хэллидей достала телефон, чтобы снимать свои перемещения, и, нырнув под ленту, вошла в квартиру. Воняло аммиаком. Плитка на полу под мрамор была мокрой после мытья шваброй. Полосы чистящего средства высыхали на зеркальных стенах гостиной.

– Похоже, Ольга убрала квартиру до того, как нашла тело, – прокричала она полицейскому у входа.

– Она убрала гостиную и кухню перед тем, как вошла в спальню. Там она и нашла жмура. В кровати, с дырой в груди. Толкни дверь в спальню – увидишь его.

Квартира была размером с отельный номер – и такой же безликой. Небольшая кухня, соединенная с комнатой. Там стояли серый кожаный диван в виде буквы «Г» и круглый журнальный столик, а под ним лежал коврик с грубым ворсом, который только что пропылесосили. На стене висел широкодиагональный телевизор. У кухонной стойки стояли два металлических барных стула. Квартирка была слишком мала для обеденного стола.

Хэллидей сняла на видео гостиную и кухню перед тем, как открыть начисто протертый холодильник. Внутри были контейнеры с салатами и нарезанными фруктами из «Хол Фудс», разные йогурты и наполовину выпитая бутылка апельсинового сока.

Рядом с раковиной стояли два помытых и поставленных сохнуть высоких стакана. Еще одна улика пропала.

– Черт. Ни минуты покоя, – пробормотала Хэллидей.

Она выдавила себе в рот подушечку мятной жвачки и, раскусив ее, толкнула дверь в спальню, держа перед собой телефон, чтобы записать, как она входит в комнату, где было совершено убийство. Ступив внутрь, Хэллидей ощутила поток холодного воздуха, исходящий от потолочного вентилятора.

Она не выключила вентилятор. Не включила и свет в комнате.

Ничего нельзя трогать, пока криминалисты официально не сфотографируют все в точности таким, каким оно было найдено.

В комнате царил полумрак из-за опущенных жалюзи. Хэллидей могла видеть достаточно хорошо для того, чтобы определить, что жертвой стал мужчина, вероятно, за тридцать.

Быстро вращавшийся вентилятор ерошил его волосы, будто бы он был еще жив. Хэллидей присела на корточки, чтобы посмотреть на него поближе. Углубления на щеках с квадратными скулами позволяли предположить, что, когда он улыбался, у него проступали ямочки. Он выглядел как человек, который много улыбался. Его челюсть была квадратной. Его нос – орлиным. Его губы определенно были синими.

За исключением черных боксеров, он был обнажен, одежда валялась кучей на полу. Уродливая рана под грудной клеткой позволяла предположить, что орудием убийства был острый предмет – вероятно, нож. Бегло исследовав место преступления, Хэллидей нигде его не увидела.

Она предположила, что жертва умерла моментально. Это объясняло отсутствие каких-либо заметных брызг крови вокруг. Но не объясняло безмятежность его губ. Ни один человек не выглядит так спокойно, когда его закалывают насмерть.

Вокруг она не увидела ничего, что помогло бы опознать жертву. Ни портмоне на прикроватном столике. Ни телефона. Шкафчики столика были пусты.

– Как ты добралась так быстро? Этим утром пробки растянулись на километры.

Хэллидей повернулась и увидела входящего в спальню доктора Франклина, coronera.

– Я была на утренней пробежке на работу, когда поступил звонок, – сказала Хэллидей. Она знала Франклина с тех времен, когда работала в отделе криминалистики.

– Ты все еще бегаешь? – спросил он.

– Девять с половиной километров в день. Пять раз в неделю. А ты?

– Бросил после операции на колене.

Узкое лицо доктора Франклина сморщилось от сосредоточения, пока он проверял температуру в комнате в трех разных местах. Ему недолго оставалось до пенсии, и он бросил все попытки соответствовать установленной форме одежды. Сейчас он, как правило, носил футболки-поло и брюки-чиносы, а не костюмы и галстуки. Складывалось впечатление, что он прервал партию в гольф, чтобы приехать на место убийства.

– Я полагаю, что потолочный вентилятор был включен, когда жертва была найдена? – спросил он. – Это может повлиять на мои расчеты относительно времени смерти.

– Думаю, что да. Мы еще раз спросим уборщицу, – сказала Хэллидей, заглядывая в ванную, смежную со спальней, пока Франклин исследовал тело.

Разлитая на полу вода позволяла предположить, что кто-то недавно умывался. Длинный темный волос лежал в раковине. Криминалисты подберут его, когда будут осматривать место преступления.

– Как думаешь, давно он умер? – Хэллидей открыла шкафчик в ванной.

– Потолочный вентилятор мог охладить комнату и замедлить разложение. Поэтому я полагаю, что он умер между шестью и девятью. Позднее я сделаю более точные вычисления. Причина смерти, по всей видимости, – колотая рана в сердце. Поэтому крови не так много. Видимо, его сердце остановилось в середине своего сокращения.

– Ничего насчет жертвы не кажется тебе странным? – загадочно спросила его Хэллидей.

– Помимо зияющей дыры в груди? – небрежно парировал он, прежде чем понял, что Хэллидей серьезна. – Что тебя беспокоит, детектив?

– Мне кажется, что он спал во время своего убийства.

– Думаешь, он был в наркотическом опьянении?

– Я бы сказала, что есть такая вероятность. На теле нет ни синяков, ни царапин. Никаких следов борьбы. Жертва по меньшей мере метр восемьдесят. Он был в хорошей физической форме. Такой сильный мужчина мог бы драться, как демон.

Хэллидей присела рядом с жертвой и с помощью фонарика на телефоне осмотрела его руки и ногти. Никаких видимых ран, которые могли появиться при самообороне.

– Не вижу травм ногтей или кулаков. Уверена, что он так и не оказал сопротивления, – она встала и, сделав шаг назад, натолкнулась на что-то, похожее на кирпичную стену.

Глава пятая

Среда, 8:11

Это была не кирпичная стена. Это был детектив Джек Лавель. Он изучал место преступления пресыщенным взглядом копа из убойного отдела, который повидал столько убийств за пятнадцать лет работы, что и не пересчитать. На нем были джинсы и бомбер из коричневой кожи. Он тоже направлялся в отдел к началу смены, когда поступил звонок.

Хэллидей стиснула зубы, готовясь бороться за то, что считала своим. Она ни за что не собиралась отступить от дела только потому, что прожженный детектив решил пройти мимо и украсть его.

– Детектив Лавель, – мило сказала она. – Я полагаю, вы заглянули, чтобы узнать, не нужна ли ваша помощь. Мне не нужна.

– Я вижу, детектив, – произнес он, не шелохнувшись.

– Хорошо. Я полагаю, вы направляетесь обратно в участок.

– Я не могу.

– Почему?

– Капитан хочет, чтобы я поработал с вами над этим делом, – ответил Лавель. – Как напарник, – добавил он, заметив зло загоревшиеся глаза Хэллидей.

– Я думала, вы работаете один.

– Так и есть, – сказал он, сев на корточки, чтобы поближе увидеть жертву. – Но я не всегда получаю, что хочу. Введите меня в курс дела. Удалось идентифицировать жертву?

– Пока нет, – ответила Хэллидей после раздраженной паузы. – Я не нашла ни кошелька, ни мобильного телефона. Тело обнаружила уборщица. Мы полагаем, что жертва сняла квартиру на «Эйрбиэнби» или на похожем сайте. Уборщица обычно не приходит в дни, когда квартира сдана. Видимо, этим утром владелец забыл отменить уборку.

– Что-нибудь еще? – спросил он.

Хэллидей прошла к другому краю кровати и осветила фонариком на подушку рядом с трупом.

– Я думаю, что он был не один, – заметила она, зафиксировав луч на подушке с вмятиной от головы. – Кто-то лежал в кровати рядом с ним. Скорее всего, женщина.

– Почему женщина?

Лучом фонарика она подсветила одинокий длинный волос на подушке. Криминалисты возьмут его, когда придут.

Полупустая бутылка вина стояла на столике рядом с кроватью.

– Бокалов нет. Полагаю, они пили прямо из бутылки.

– Лаборатория в кратчайшие сроки изучит бутылку. Я скажу им, чтобы они проверили отпечатки и ДНК. Возможно, на горлышке осталась слюна.

– Нам также понадобится токсикологическая экспертиза, – добавила Хэллидей.

– Зачем токсикологическая?

– Я думаю, что жертва была в наркотическом опьянении. Это объяснило бы отсутствие травм от самообороны. Нам нужно узнать имя квартировладельца и выяснить, кто снял ее, – сказала Хэллидей. – Нам также нужно раздобыть людей, чтобы проверить, не было ли выкинуто оружие убийства в мусорки неподалеку, а еще собрать и просмотреть записи с видеокamer. Я уверена, что в этом доме их полно.

– Я выяснил у консьержа имя владельца и подробности, когда поднимался сюда, – ответил Лавель. – Владелец улетел в Гонконг. Командировка. Я договорился с командой патрульных, они помогут с рутинной работой.

Внезапный рокот на улице оповестил их о прибытии криминалистов. Хэллидей и Лавель ждали в гостиной, пока фотограф-криминалист снимал спальню. Остальные настраивали оборудование в коридоре у лифтов.

– Детектив Хэллидей, – позвал кто-то из дверей.

Хэллидей направилась к порогу, где патрульный, который вместе с уборщицей спускался в мусороприемник, покачивал в руке, одетой в перчатку, белый пакет.

– Откуда мы знаем, что это именно тот мусор, который выбросила уборщица? – спросила Хэллидей, развязывая ручки мусорного пакета и заглядывая внутрь.

– Ольга уверена на сто процентов. Она укажет это в своих показаниях. Она говорила, что мусора было немного. Это единственный пакет, который подходил под описание.

Хэллидей поворошила мусор внутри пакета рукой в перчатке. Там были огрызок яблока и пустой стаканчик из-под йогурта того же производителя, что и в холодильнике. На дне лежали скомканные желтые листочки для заметок. На одной из бумажек черным маркером было написано: «НЕ ЗАСЫПАЙ». На других были не менее странные сообщения: «НЕ ОТКРЫВАЙ ДВЕРЬ», «НЕ ОТВЕЧАЙ НА ТЕЛЕФОН».

– Детектив Хэллидей, вам лучше подойти сюда, – позвал Лавель. – Вы захотите это увидеть.

Она протянула мусорный пакет эксперту-криминалисту для сбора улик и присоединилась к Лавелю в спальне. Пока она осматривала мусор, фотограф стянул простыню, чтобы продолжить снимать жертву. Без простыни стали видны подошвы ног убитого. Они были изрезаны и сильно окровавлены.

– Многочисленные порезы на ступнях, – констатировал Лавель.

– Странно. Зачем старательно резать ступни жертвы, оставив на ее теле всего одну колотую рану? – Хэллидей присела у изножья, чтобы поближе посмотреть на порезы. – Будто бы убийца не мог определиться, сдерживаться ему или нет.

– Может, у убийцы фут-фетиш, – предположил Лавель. – Зачем еще изрезать стопы в лоскуты?

– Чтобы добыть крови. – Хэллидей поднялась. Ее глаза осматривали спальню. – Убийце нужна была его кровь.

– Зачем убийце понадобилась его кровь? – спросил фотограф. Он нагнулся и прокрутил линзы в объективе, чтобы крупным планом взять стопы жертвы.

Хэллидей пробежала фонариком вокруг кровати в поисках ответа. Луч задел маленькую каплю крови на плюшевом сером ковре. А затем еще и еще одну. След вел к жалюзи. Хэллидей потянула за шнур и подняла их, обнажив большое окно во всю стену.

Кровью написанное на стекле сообщение гласило: «!ЬСИНСОПП». Вспышка камеры осветила комнату, когда фотограф сделал снимок.

– Невнятица какая-то, – сказал он.

– Это зеркальная надпись. Она сделана задом наперед, чтобы ее можно было легко прочитать с улицы, – ответила Хэллидей.

– И что тут написано? – спросил фотограф, сделав несколько фотографий.

– Тут написано: «ПРОСНИСЬ!»

Глава шестая

Среда, 8:35

Голуби воркуют у моих ног, пока я дремлю на лавочке в парке. Мое тело покачивается, двигаясь влево-вправо, будто маятник, когда я проваливаюсь в сон, резко просыпаюсь, и так снова и снова. Все это время меня гложет чувство, словно что-то не так.

Я вздрагиваю от сирены пожарной машины. Я открываю глаза и тут же слепну от солнца. Прикрывая лицо рукой, я часто моргаю, пока глаза привыкают к яркому свету. Дезориентация пропадает, будто лопнувший пузырь, когда очертания, возникшие в слепящем свете, превращаются в арку.

Я в Вашингтон-Сквер-парке. Об этом говорит мне арка. Я часто прихожу сюда летом выпить кофе и насладиться солнцем перед тем, как направиться к психбольнице, в квартале от которой находится мой офис.

На колене лежит бумажный пакет с остатками апельсинового кекса с маком и пустой кофейный стаканчик с высохшей молочной пенкой на крышке. Это мой стандартный завтрак навынос. Единственное, чего не хватает – моего телефона, который я обычно оставляю на своем столе, прежде чем пойти сюда, чтобы отдохнуть от непрекращающихся весь день рабочих звонков.

Теперь, когда глаза привыкли к свету, я замечаю, что в сером небе нет ни одного голубого просвета. Оглянувшись вокруг, я вижу и другие несоответствия.

Люди ходят по парковым дорожкам в шарфах и застегнутых пальто – или в свитерах бледных цветов, подходящих их понурым лицам. На деревьях нет сочной летней листвы. Как раз наоборот. Кизилы и вязы представляют собой массивы хрупких веток в последних муках увядания. Кучи опавших листьев разбросаны вдоль тропинки – они сорваны ветром, который наполнен легко узнаваемым холодком приближающейся зимы.

Я растеряна оттого, что уже почти зима, ведь мое последнее воспоминание перед тем, как я проснулась на этой скамейке, было таким: я сидела за залитым солнцем столом у офисного окна, печатая на ноутбуке, а на улице стоял прекрасный летний день.

Стационарный телефон отрывисто позвонил.

– Лив слушает, – сказала я в трубку.

И вот я просыпаюсь тут, на скамейке.

Я моргаю, чтобы разорвать паутину из остатков сна, виноватых, должно быть, в моем замешательстве. От холода я не чувствую рук. Я сжимаю и разжимаю кулаки, чтобы восстановить кровообращение. Делая это, я замечаю, что они покрыты надписями.

В детстве я писала на руках, пока мама не вышла замуж за супруга номер два. В отличие от меня, Стейси, дочь Рэндела от первого брака, всегда возвращалась из школы чистенькой. Стейси никогда не писала на тыльных сторонах ладоней и не рисовала на них каракули. Ее хвостик на голове всегда был аккуратным.

– Почему ты не можешь быть как Стейси? – спрашивала мама, отправляя меня в ванную отмывать руки. – Старайся больше не писать на руках, Лив. Ты же девочка, – говорила она мне с южным акцентом, который подхватила, чтобы не выделяться на чванливом деревенском фоне Рэндела.

Это был отголосок ее предыдущей жизни, когда она, мать-одиночка, обслуживала столики в ресторане в Джерси, который, как заявлялось, подает лучшие стейки на Восточном побережье. Там-то мама с Рэнделом и встретились. Он пришел в стейк-хаус поесть, находясь в командировке. Мама обслуживала его столик. Три недели спустя они поженились. Я держала букет. Я держала букет на всех ее свадьбах.

Несмотря на попытки мамы вылечить мою привычку карябать на руках, видимо, она ко мне вернулась. Я пристально смотрю на украшающие кожу спирали, выведенные синей и черной ручками. Линия идет под рукава моего свитера. Под каждой костяшкой написаны буквы, складывающиеся в слова: «Н-Е З-А-С-Ы-П-А-Й».

У запястья написано: «НЕ СПАТЬ! Я ЗАБЫВАЮ ВСЕ, КОГДА ЗАСЫПАЮ».

Для усиления я дважды это подчеркнула. Я уснула прямо тут, на этой скамейке в парке. Не могу не задаться вопросом, что же я забыла.

Шорох в кустах спугивает голубей, с курлыканием они взмывают вверх в кутерьме крыльев и падающих перьев. Я чувствую, что среди всей этой суеты кто-то пугающе пристально следит за мной. Кто бы это ни был, он исчезает, как только птицы улетают прочь. Я в опасности. Нутром чую.

Я встаю, бегу из парка и останавливаюсь только на тротуаре у входа в свой офис. Я замираю, чтобы посмотреть на людей, вращающихся в карусельных дверях, будто в прядильном станке. Я не присоединяюсь к ним. Я так потрясена, что просто не могу подняться в офис.

Вниз по улице есть кафе, где я обычно покупаю обед. Я решаю выпить кофе, чтобы успокоиться. Уже на углу я вижу, что кафе закрыто. Его окна заколочены.

Рядом стоит моя парикмахерская. Я ныряю внутрь, влекомая необъяснимым желанием увидеть знакомое лицо.

– Я могу вам помочь? – спрашивает женщина с синими кончиками волос, складывающая полотенца за стойкой.

– Стиви тут?

– Стиви переехал в Майами после свадьбы.

– Стиви женился? – удивленно спрашиваю я. Я считала Стиви не только парикмахером, но и другом. – Стиви ничего не говорил про свадьбу, когда в последней раз стриг меня.

– Это, должно быть, было давно, – говорит она.

– Почему?

– Потому что вы явно давно не стриглись.

Мой взгляд смещается на длинноволосую женщину, стоящую за парикмахером. На долю секунды я шокирована внезапным появлением этой женщины будто бы из ниоткуда. Затем меня озаряет, что эта женщина – я. Я едва узнаю себя. Я похудела. Мои волосы очень длинные, и их цвет темнее моего естественного оттенка. Я неуверенно пропускаю волосы сквозь пальцы.

Парикмахер неправильно понимает мой жест.

– У меня сейчас окно, если вы хотите подстричься.

Мне нравится эта идея. Может, если я снова буду выглядеть как я, пузырь нереальности, поглотивший меня, когда я проснулась в парке, лопнет.

Она усаживает меня в кресло у раковины, отклоняет мою голову, с шипением включается вода. Геометрические формы висящей наверху люстры пробегают по потолку, гипнотизируя меня, пока парикмахер втирает шампунь во влажную кожу головы. Я закрываю глаза и пытаюсь расслабиться под нежные всплески воды.

– Ну все, – объявляет она, выключая кран.

Женщина насухо вытирает мои волосы черным полотенцем и оборачивает голову другим, словно тюрбаном, прежде чем проводить меня до ближайшего кресла.

– У вас прекрасные волосы, – восхищается парикмахер, скользя пальцами сквозь мокрые пряди. Она спрашивает, как меня стричь.

Я описываю свою обычную прическу. Годами я ношу шикарную короткую стрижку, которая подсвечивает зеленоватый оттенок моих светло-карих глаз и акцентирует внимание на широких скулах.

Она чикает ножницами, и первые пряди падают на пол. Они продолжают падать, пока белый кафель у моих ног не закрывается ими и мне на ухо не начинает реветь фен.

На кассе меня накрывает паника, когда я понимаю, что у меня с собой нет кредитки. К счастью, я нахожу пачку денег в кармане и расплачиваюсь наличкой.

Открыв стеклянную дверь салона, я чуть не сталкиваюсь с одетым в угольно-черный костюм мужчиной, в спешке идущим по тротуару. Сердце замирает. Он выглядит как Марко. У него резкие черты лица и смоляно-черные волосы, а в походке читается такая же дерзкая самоуверенность.

– Извините, – говорит он, обходя меня.

Это не Марко. На мгновение от сокрушающей грусти я не могу дышать.

Глава седьмая

Двумя годами ранее

– Лив. Лив. Просыпайся.

Я просыпаюсь, непонимающе моргая, пока нечеткое пятно, склонившееся надо мной, не превращается в Марко. Его шоколадные глаза смотрят сверху вниз на мое сонное лицо, пока он нежно трясет меня за плечи. Долго смотрю на него – слишком сонная, чтобы сказать хоть слово. Мои глаза открыты. В остальном я еще в глубоком сне.

– Лив, пора вставать, – говорит мне Марко. Киваю и на секунду засыпаю, прежде чем заставить себя встать.

– Который час? – сонно бормочу я.

– Начало двенадцатого.

– Ты, должно быть, шутишь! – я резко сажусь и слегка облакачиваюсь на подушку за спиной. – Марко, тебе нужно было разбудить меня час назад.

– Я пытался. Поверь. Никогда в своей жизни не видел кого-то настолько уставшего.

Марко открывает жалюзи, дернув за продолговатый грузик на шнуре. Когда солнечный свет заливает спальню, я закрываю лицо рукой.

– Марко, закрой жалюзи. Солнце убивает меня, – я накидываю покрывало на голову, чтобы укрыться от слепящих лучей.

Ничего не сказав, Марко уходит на кухню. Он возвращается с кружкой очень крепкого кофе, над которой поднимается пар. Я пью его, валюсь обратно на подушку и засыпаю, никак не реагируя на кофеин, разливающийся по телу.

На планете нет ни одного тоника, который смог бы меня разбудить. Только не после вечеринки, которую закатил для меня Марко. Я не засыпала так поздно со времен колледжа. И не пила так много шампанского с тех пор, как топила свои печали на третьей свадьбе матери, когда мне было семнадцать. Должно быть, это было предзнаменованием того, что произошло позже. Она погибла через пару лет, когда ублюдок, за которого она вышла замуж, въехал в полуприцеп, будучи вусмерть пьяным.

Может, поэтому я ненавижу пить шампанское, хоть прошлой ночью и не сказала об этом Марко, когда он достал бутылку «Боланже». Мы праздновали мое повышение до должности старшего штатного автора журнала. Я буду писать тематические статьи и материалы по заданию руководства, но в основном – про еду. Мой редактор говорит, что еда – это новая поп-культура.

Повышение было делом небыстрым. Я работаю в журнале «Культура» шесть лет. Пришла туда сразу после года адской работы преподавателем в моей первой школе. Мне повезло получить временную должность в издательстве «Культуры». За прошедшие шесть лет временная работа стала постоянной. Теперь меня наконец повысили. Я смаковала свою новую должность. Может, не самая высокая, но я жопу рвала, чтобы получить ее. Я засыпаю, едва слыша сильный всплеск воды, пока Марко моется в душе при спальне.

– Ты все еще не встала! – его удивленное замечание встряхивает меня.

Я открываю глаза и вижу, как он проходит через спальню, обернув белое банное полотенце вокруг талии. Он надевает синие брюки-чинос и подходящую по цвету рубашку с серыми шестиугольниками, застегивает ее, а потом снова исчезает в ванной. Когда он выходит, его смоляно-черные волосы аккуратно причесаны. От него пахнет одеколоном с ароматом океанского бриза.

– Похоже, ты готовишься к горячему свиданию! – шучу я.

– Я завязал со свиданиями. У меня есть девушка.

– Да? Я ее знаю?

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня. Я стараюсь притянуть его к себе, чтобы он упал на меня сверху, мои пальцы трудятся над его верхней пуговицей.

– Боже, мне бы хотелось, но давай как-нибудь в другой раз.

Он нежно убирает мои руки от рубашки.

Мы с Марко встречаемся почти три месяца. Он отличается от всех моих предыдущих парней. Может, потому что он европеец и обладает европейской чувствительностью. Он многое сделал, чтобы я ощутила, что обо мне заботятся, чего я никогда не испытывала прежде. Не могу вспомнить, чтобы была так влюблена. Отрицательная сторона этого – я не уверена, что Марко чувствует то же самое. Думаю, чувствует, но уж точно не буду его об этом спрашивать. Я поняла на собственном опыте, что задавать слишком много вопросов – это идеальный способ разрушить отношения.

Марко всегда разграничивает разные сферы жизни у себя в голове. Мы видимся два или три вечера в неделю, когда он не путешествует по работе, а делает он это много. Марко бросил работу в финансах и организовал технологический стартап. Что-то связанное с рекламным программным обеспечением. Он часто в дороге – зарабатывает деньги и заключает сделки.

– Куда ты? – я облакачиваюсь на большую подушку.

– У меня деловой обед с инвестором. Помнишь? Вчера ты сказала, что пойдешь со мной. Вот почему я разбудил тебя. В другом случае я бы дал тебе поспать подольше.

– Я совсем забыла! – издаю я стон.

Технически это неправда. Я слабо припоминаю, как на пьяную голову пообещала пойти с ним. Очень скоро я об этом пожалела. Однажды я была довеском на деловом обеде, пока Марко очаровывал инвестора, и едва ли таким я представляю себе приятное воскресенье, проведенное вместе с молодым человеком. Марко очень замотивирован, но я хочу, чтобы в выходные он делал паузу в своих поездках и сделках.

– Я выгляжу ужасно. Мне не хватит времени собраться, – я пробегаю рукой по своим взъерошенным волосам.

– У тебя полно времени, чтобы собраться, – он надевает часы.

Я корчу рожу зеркалу на стене, удивляясь тому, что мои волосы торчат в десятке разных направлений. С такой короткой стрижкой я выгляжу простушкой. Из-за нее глаза кажутся больше, а лицо – острее и неувереннее. Я смотрюсь намного моложе, чем женщина, которой стукнула тридцатка.

– Марко, ты меня возненавидишь, если я пропущу обед?

Разочарование пробегает по его лицу столь быстро, что я сомневаюсь, не вообразила ли я его себе.

– Ты не обязана приходить, Лив. Решать тебе. Дин приведет Эмили, но я не говорил ему, что ты обязательно придешь, – он пожимает плечами, оставляя остальное недосказанным.

Мне нравится, что Марко не давит на меня. До этого мне попадались доминантные парни, которые ждали, что я буду приходить по первому зову. Марко совсем не такой. С ним легко. Поэтому мне хочется делать так, чтобы ему было хорошо.

– С другой стороны, я пойду. Будет весело, – говорю я с наигранным энтузиазмом.

– Отлично! Тебе понравится Эмили.

Я подозреваю, что все это время он знал, что я соглашусь. Неужели я предсказуема?

– Чем занимается Эмили? – спрашиваю я через несколько минут после душа. Я достаю из шкафа Марко льняные штаны и синюю кофту с открытыми плечами. Я держу несколько своих нарядов у него в квартире. Иногда я иду от него на работу, когда остаюсь на ночь, так как он живет в нескольких кварталах от моего офиса у Вашингтон-Сквер-парка.

– Она дизайнер. Дамские сумочки и аксессуары. Очень талантлива. Дин говорит мне, что в эту отрасль очень тяжело пробиться.

Я часто это слышу. Рынок наводнен дизайнерами, которые хотят, чтобы их заметили. Эффект «Проекта Подиум». Некоторые дизайнеры потрясающе, но все равно с трудом выживают на перенасыщенном рынке. В наши дни все дело не в том, насколько ты хорош как дизайнер, а в том, кого ты знаешь или сколько подписчиков у тебя в соцсетях. Продает именно известность. Я делюсь с Марко подобными мыслями на этот счет, пока одеваюсь.

– Если тебе понравится коллекция Эмили, тогда, возможно, ты могла бы организовать заметку в «Культуре».

Он говорит это беззаботным тоном, но я чувствую, что он ждет. Я бросаю взгляд на его отражение в зеркале, пока наношу губную помаду. Он сидит на краю кровати, с непроницаемым лицом натягивая носки.

– Это не по моей части, хотя я всегда могу спросить обозревателей моды из нашего журнала – может, они заинтересуются, – предлагаю я.

Я начинаю подозревать, что реальная причина того, что Марко хочет, чтобы я пошла, – в том, что я встречу с Эмили и подключусь к организации бесплатной рекламы ее бренда в своем журнале. Я тут же чувствую себя плохо от собственных нехороших мыслей. Марко не манипулятор. Если бы он хотел, чтобы я помогла жене его инвестора с бесплатной рекламой, он бы прямо попросил об этом. С другой стороны, обычно он не проводит встречи по воскресеньям.

Я непривычно молчалива, когда мы покидаем квартиру.

Марко чувствует мое беспокойство. Он обнимает меня, когда мы выходим на улицу.

– Как насчет того, чтобы покататься на велосипедах после обеда?

У Марко коллекция горных велосипедов. Я всегда предполагала, что он хранит горный велосипед поменьше для девушки, с которой в данный момент встречается, – чтобы она каталась вместе с ним по выходным.

До встречи с Марко я в последний раз садила на велосипед еще в детстве. Мой отец научил меня кататься, когда мне было пять и мы поехали в Англию повидаться с его семьей. Это последнее яркое воспоминание о нем перед тем, как он ушел от мамы годом позже.

Марко – заядлый велосипедист. После нашего второго свидания я одолжила велик у друга и каталась в одиночестве до тех пор, пока не уверилась, что смогу составить Марко компанию в его заездах по выходным. Кроме того, я сама начала втягиваться. Мы даже говорим о том, чтобы объехать Францию на велосипедах в октябре.

– Я бы с радостью, но я договорилась с Эми пойти сегодня на кикбоксинг. Она уже записала нас.

– Мне казалось, что ты ненавидишь кикбоксинг.

– Меня все больше затягивает. Тренер говорит, что у меня есть потенциал.

– Что он подразумевает под потенциалом?

– Он говорит, что у меня хорошая техника, но я слишком несмело бью. Почему бы вместо этого тебе не зайти ко мне сегодня? – предлагаю я Марко. – Я приготовлю ужин. Назови любую кухню, и я закачу тебе пир.

Марко выглядит заинтригованным. Он знает, что я отлично готовлю. Моя страсть к кулинарии началась после того, как мама погибла в автокатастрофе. Готовка стала моей терапией. Для себя я ходила на кулинарные курсы «Кордон Блю». Я даже подумывала о карьере в кулинарной отрасли, пока не решила, что писать о еде мне нравится больше, чем работать в ресторанном бизнесе. Больше всего на свете я люблю баловать друзей ресторанными блюдами в домашних условиях. Удивительно, но вместо того, чтобы принять мое приглашение, Марко предлагает пойти куда-нибудь поесть.

– Может, позовем Эми и Бретта?

Марко тут же хмурится.

– Ну же, Марко! Двойное свидание. Будет весело.

– С Бреттом? – усмехается он. – С Доктором «Я Бог»? Все, о чем он говорит – это список его пациентов и как он в одиночку спасет человечество. Ему совершенно неинтересно говорить о чем-то, что не касается его. Что же до Эми, каждую нашу встречу мы спорим о политике. Это напрочь убивает всю атмосферу.

– Не будет никаких споров, – говорю я не совсем убедительно, так как их политические дискуссии могут выходить из-под контроля. – Я попрошу Эми попридержать коней.

Мы оба знаем, что это маловероятно.

– Лив, тебе придется свыкнуться с мыслью, что мы с Эми не ладим. Я знаю, она твоя лучшая подруга, и ты хочешь, чтобы мы нравились друг другу, но мы с ней так же похожи, как огонь и вода. Мы слишком разные.

Глава восьмая

Среда, 9:56

Натали, которая обычно нараспев приветствовала меня и желала доброго утра, нет за стойкой регистрации, когда я выхожу из лифта и направляюсь в офис. Вместо нее там стоит администратор с мелированной челкой и отвечает на звонок через наушник.

– Журнал «Культура». Куда перенаправить ваш звонок?

Администратор поднимает взгляд, когда я прохожу мимо стойки. Я сконфуженно улыбаюсь. Она в ответ не улыбается. Вместо этого отрывисто спрашивает, к кому я пришла.

– Я пришла не на встречу. Я тут работаю. Где Натали? – фраза получилась грубее, чем я хотела. Больше обвинение, нежели вопрос. Натали работала администратором в «Культуре» так долго, что казалось неправильным, если кто-то другой стоит за стойкой.

Девушка непонимающе смотрит на меня.

– Кто?

– Натали, – мой голос срывается, когда я понимаю, что это, скорее всего, временная замена. Может, Натали на больничном. – Не берите в голову.

Минуя стойку, я прохожу в главный офис, направляюсь напрямик к своему отгороженному рабочему месту и останавливаюсь у огромного окна рядом со своим столом, чтобы посмотреть на знакомый вид на улицу.

Когда я поворачиваюсь, чтобы сесть в свое черное офисное кресло, молодая длинноногая женщина с длинными рыжими волосами вешает куртку на его спинку. Она одета как манекенщица: в клетчатую мини-юбку, высокие сапоги и черный укороченный свитер. Женщина бросает сумочку на стол и наклоняется, чтобы подключить ноутбук к розетке.

Мой взгляд смещается с нее на фото, прикрепленные к пробковой доске на перегородке. У меня кружится голова, и незнакомые лица с фотографий расплываются калейдоскопом цветов. Я кладу руку на спинку кресла, чтобы удержать равновесие.

– Вы кто? – как мне кажется, спрашивает она меня. Возможно, это я спрашиваю ее.

– Я Лив. Лив Риз.

Ее губы растягиваются в сияющей улыбке, когда она меня узнает.

– Лив! Я Джоузи! – она говорит так, будто я должна ее знать. Джоузи раскрывает объятия и обнимает меня. – Я так взволнована нашей встречей. Наконец-то!

– Я тоже рада встретиться с вами, – отвечаю я больше из вежливости, а не потому, что узнала ее. Я пытаюсь вспомнить, кто это, но не могу. В редакции нет никого по имени Джоузи.

– Так здорово снова видеть вас в «Культуре», – захлебывается Джоузи.

Я хочу сказать, что никогда не уходила, что я была тут все это время, – но оглядываюсь и вижу, что офис выглядит иначе. Его облик претерпел кардинальные изменения.

Ковер раньше был темно-синим. Теперь он фактурный, бетонно-серого цвета, украшенный лаймовыми и синими разводами, которые напоминают квадратики для игры в классики.

Столы расположены маленькими островками по всему помещению, лишённому внутренних стен. Под колоннами разбиты зоны отдыха, выполненные в виде круглых диванов без спинок – тоже лаймового и синего цветов. Одетые в джинсу люди вальяжно расселись на диванах, словно подростки в своих спальнях, и быстро печатают на ноутбуках, потягивая кофе из кружек.

Офис избыточно залит неонами. Слишком пульсирующий. Слишком режущий глаза. Он чужой, но все же знакомый. Надпись «Культура» на стене выполнена трехмерными светоотражающими буквами того же классического шрифта, что красуется на обложке журнала. Я определенно в правильном месте.

Дальше идет стена, на которой под стеклом красуются обложки «Культуры» прошлых лет. Устроившись сюда, я работала над каждым выпуском журнала. Я знаю каждую обложку, как свои пять пальцев, но не узнаю последние.

Все как-то не так. Мне нужно разобраться, почему. Я бросаю взгляд на буквы на моем запястье. «НЕ СПАТЬ! Я ЗАБЫВАЮ ВСЕ, КОГДА ЗАСЫПАЮ». Я заснула на парковой скамейке. Что я забыла?

Болтовня Джоузи опутывает меня, пока я пытаюсь вспомнить. Она рассказывает о новом направлении журнала и проводит меня по офису. Мое беспокойство перерастает в панику, когда я понимаю, что не узнаю никого. Все в офисе для меня – незнакомцы. Такое чувство, будто я в параллельной вселенной.

Мой взгляд устремляется ко входу. Я хочу извиниться и выбраться отсюда, но Джоузи уже представляет меня команде. Все свехдружелюбны, вставая из-за столов, чтобы поприветствовать меня, а затем тепло обнять. Они относятся ко мне как к блудной дочери, которая вернулась домой.

– Вы выглядите замечательно, Лив.

Они твердят мне разные вариации одних и тех же комплиментов сочащимися патокой голосами – слишком бодро, чтобы они были искренними. Они ведут себя слишком мило. Это беспокоит меня куда больше, чем ковер для игры в классики.

Женщина стремительно бежит ко мне и заключает меня в объятия, как будто я ее давно утерянная сестра. Я обнимаю ее в ответ, думая, что не знаю, кто она, черт возьми, такая.

– Лив, если бы мы знали, что вы придете сегодня. Мы бы организовали обед, чтобы поприветствовать вас. Должно быть, нелегко...

– Что должно быть нелегко? – спрашиваю я.

– Вернуться сюда после всего того...

Я пялюсь на нее, ничего не понимая. Ее щеки загораются. Женщина смотрит в сторону, съезживаясь от неловкости.

И меняет тему.

– Я бы хотела послушать о вашей жизни в Лондоне.

У меня пропадает дар речи. Я не знаю, о чем она говорит. Я никогда не жила в Лондоне. На одном дыхании женщина засыпает меня вопросами. В какой части Лондона я жила? Много ли я ездила по Великобритании?

Я хочу сказать ей, что она путает меня с кем-то другим. Последний раз я была в Европе, когда на шесть месяцев отправилась туда в турпоход с друзьями после окончания колледжа. Я определенно никогда там не жила.

– Должно быть, вы еще акклиматизируетесь, – предполагает Джоузи. – Мне всегда необходима парочка дней, чтобы прийти в себя, когда я прилетаю из Европы.

Акклиматизируюсь? Может, поэтому я чувствую себя такой слабой.

Джоузи быстро отводит меня в кухонную зону офиса. Она переделана в открытую зону отдыха, заставленную всевозможными столами и стульями белого и лаймового цветов. Огромный белый стеллаж с ярко-зелеными папоротниками, посаженными в белые горшки, служит живой перегородкой, отделяющей эту зону от остального офиса. Девушка заваривает нам кофе в сияющей новой кофемашине, болтая о «Культуре».

Она говорит так, будто я в курсе всех изменений в журнале. Я не в курсе. Совсем наоборот, я в шоке от того, что Джоузи мне рассказывает.

Выясняется, что не только интерьер редакции поменялся. Журнал был поглощен европейским издательством. Произошли радикальные изменения в стратегии. Теперь упор делается на более молодую аудиторию, миллениалов. Помимо журнала, большое внимание уделяется интернету и социальным сетям. Ходят разговоры о том, чтобы выпускать бумажную версию журнала раз в четыре месяца.

– Я едва ли узнаю здесь кого-то. Весь штат поменялся.

– Реструктуризация. Многих людей уволили, – объясняет Джоузи.

Я потрясена тем, что Фрэнк, мой редактор, и Соня, редактор-стилист, были сокращены вместе с Натали и другими сотрудниками. Бедная Натали. Она мать-одиночка. Ей действительно нужны были деньги, и она любила свою работу.

– Мы работаем с острыми темами. Поэтому на должность исполнительного редактора наняли Нико и поменяли весь редакторский состав. Более молодая команда должна отражать возраст нашей новой читательской аудитории. Тед, как известно, – она многозначительно замолкает, – перевелся сюда несколько месяцев назад, чтобы вести коммерческие дела. Но сейчас их нет в редакции.

– А где они? – спрашиваю я во многом потому, что от меня ожидается какой-то интерес.

– Нико в Лос-Анджелесе на съемках фото для обложки. Тед на больничном. Очень не вовремя. Им бы очень хотелось быть тут, чтобы поприветствовать вас.

Джоузи продолжает щебетать без умолку, а я пытаюсь осознать все изменения, произошедшие с журналом. Все наперекосяк. Мне необходимо снова взять контроль над ситуацией. Чтобы это сделать, мне нужен ноутбук, где я смогу проверить почту и освежить память. Не может быть, чтобы я выпала из жизни на, кажется, годы.

– На самом деле, – высоким голосом начинаю я, – Тед просил меня зайти... чтобы поработать над проектом, – я становлюсь более уверенной, когда лгу. – Он должен был организовать для меня рабочий ноутбук и рабочее место. Надеюсь, он не забыл.

– Приближается день его свадьбы, и Тед становится все забывчивее, – она прикусывает губу и краснеет, будто сказала что-то неуместное. Понятия не имею, о чем она говорит или почему меня это должно заботить.

– Так здорово, что вы двое все еще... – начинает она и, видя мое непроницаемое лицо, тут же замолкает. – Я найду вам ноутбук.

Джоузи отводит меня в маленькую комнату для собраний, отгороженную стеклянными стенами, с видом на зону отдыха. Она говорит мне, что вернется с компьютером через минуту.

Ожидая, я пристально смотрю на большой экран телевизора, где идут утренние новости. В кадре офицер полиции стоит за оградительной лентой у входа в многоквартирный дом. На картинке внизу экрана подпись: «УБИЙЦА ОСТАВЛЯЕТ ПОСЛАНИЯ КРОВЬЮ ЖЕРТВЫ».

Камера резко приближается к окну квартиры со стороны улицы. На нем красными буквами написано слово:

«ПРОСНИСЬ!»

Я уже видела это сообщение. Я поднимаю рукав. Те же самые слова накарябаны прямо под косточкой моего запястья.

Глава девятая

Среда, 10:18

Ноутбук, который приносит мне Джоузи, – это огромный мамонт с залипающим пробелом. Пока она подключает его к сети, я стою у внутреннего окна комнаты для совещаний и пристально осматриваю офис в поисках своей пропавшей сумочки. Я предположила, что оставила ее на своем столе вместе с телефоном, когда вышла, чтобы позавтракать и подышать свежим воздухом в парке.

Теперь я знаю, что моей сумочки здесь нет, так как какое-то время меня точно не было в офисе. Мой стол уже даже не мой. Он принадлежит Джоузи.

– Что-то не так? – спрашивает Джоузи, выпрямляясь после подключения ноутбука к розетке.

– Мне кажется, я потеряла сумочку, – отвечаю я ей, умалчивая о том, что больше беспокоюсь, не потеряла ли я свой рассудок. Как я могла забыть, что больше тут не работаю?

– Давайте обратимся в полицию, – предлагает она. – Может, кто-то отнес ее туда.

Прежде чем я успеваю запротестовать, она находит в ноутбуке телефонный номер местного полицейского участка и набирает его на стационарном телефоне.

– Дальше я сама, – говорю я, слыша зазвучавшие на линии гудки. – Не хочу отвлекать вас от работы.

Она протягивает мне трубку и уходит к своему столу. Мне очень не хочется впутывать в это полицию. У меня глубокое недоверие к копам с тех пор, как меня ненадолго забрали органы опеки после ареста мамы за вождение в нетрезвом виде, когда она со скандалами разводилась с Рэнделом.

Пока я прохожу через компьютеризированную телефонную систему, нажимая различные кнопки, чтобы дозвониться до полицейского бюро находок, я читаю витиеватые надписи, сделанные синей ручкой на руках. «НЕ ЗАСЫПАЙ», – говорится у меня под костяшками.

– Я хотела бы сообщить о потерянной или украденной сумочке, – говорю я дежурному офицеру, когда та отвечает на мой звонок.

– Так что с ней сделали? – требовательно спрашивает она.

– Что вы имеете в виду?

Она нетерпеливо вздыхает.

– Ее потеряли или украли?

– Я не уверена. Я уснула на лавочке в Вашингтон-Сквер-парке. Когда я проснулась, она исчезла.

– Вы заснули? И сумочка исчезла? – говорит она с недоверием. – Хорошо-о-о-о... – протягивает она. Я чувствую себя полной дурой.

– Вы можете описать свою сумочку и сообщить мне ее бренд и цвет?

Так как я не помню, какая сумочка была у меня сегодня, то описываю три сумочки, которые я попеременно использую. Я чувствую ее нетерпение.

– Вы только что описали три разные сумочки, – выпаливает она с придыханием. – У вас пропала одна или три?

– Одна.

– Так какая у вас пропала? – она едва скрывает свое нетерпение.

– Я не знаю. Я не могу вспомнить, какую взяла сегодня, – запинаясь я.

– Давайте подытожим, – говорит она. – Вы заснули в парке на лавочке. Когда вы проснулись, ваша сумочка пропала. Вы не знаете, украл ли ее кто-то, пока вы спали, или вы потеряли

ее. И вы не помните ее цвет или бренд, – она замолкает, чтобы набрать в грудь воздуха. – Послушайте, дамочка, у меня есть предложение.

– Какое?

– Почему бы вам не перезвонить нам, когда вы вспомните, – сердито отделяя один звук от другого, говорит она.

Линия разъединяется со щелчком. Я так раздражена грубостью этой женщины, что беру ручку из ящика стола и пишу на руке: «**НИКОГДА НЕ ГОВОРИТЬ С КОПАМИ!!**»

Это ребячество, но мне становится лучше. Полицейская общалась со мной так, будто я сумасшедшая. Я не сумасшедшая. Я уверена, что существует совершенно разумное объяснение моей растерянности. Возможно, я чувствую побочный эффект седативных средств, которые ввели меня в состояние зомби. А может, я действительно акклиматизируюсь. Это могло бы объяснить, почему все вокруг кажется таким, будто это происходит с кем-то другим.

Я обхватываю лицо руками и пытаюсь сфокусироваться на том, что мне делать дальше. Если моя сумочка утеряна, тогда у кого-то могут быть мои кредитки. Мне нужно заблокировать их.

Снова поднимаю трубку и звоню в свой банк. После того, как я дважды продираюсь через автоматизированную систему, на мой звонок отвечает «Брэд» из службы поддержки.

Сообщаю Брэду, что моя сумочка пропала и что я хотела бы заблокировать все свои кредитные карты и доступ к банковскому счету. Мы проходим процедуру верификации моего имени, страхового номера и всего прочего.

Брэд ставит звонок на удержание, пока проверяет мои данные. Металлическая мелодия врезается в мои нервы так глубоко, что я издаю слышимый вздох облегчения, когда его официальный голос снова появляется в трубке.

– Мэм, тут, должно быть, какая-то ошибка. У вас нет счета в этом банке, – говорит он покровительственным тоном.

– Это «Чейз Бэнк»?

– Да.

– Тогда у меня определенно есть счет в вашем банке. Я пользуюсь вашими услугами со старшей школы.

– Мэм, наши записи показывают, что ваш счет был закрыт более двух лет назад.

– Кто закрыл счет?

– Вы.

– Это невозможно.

– Нет никакой ошибки, мэм. Возможно, вы забыли? Могу предложить вам сходить в отделение банка вместе с документом, удостоверяющим личность. Там вам кто-нибудь поможет.

– Но у меня нет документов. Они в сумочке. В той, которая пропала. Поэтому я и звоню, чтобы заблокировать кредитные карты.

– У вас определенно нет карт или банковского счета в нашем банке, поэтому нечего блокировать, – говорит он.

Я вешаю трубку, чувствуя приступ тошноты от осознания той вероятности, что мои банковские счета пропали, и, значит, у меня нет денег. В панике я достаю из кармана пачку наличности, которую нашла, находясь в парикмахерской. Я считаю деньги, купюру за купюрой, складывая их стопкой на колене. Тут больше тысячи долларов хрустящими банкнотами.

Мои глаза на мокром месте. Все перевернулось вверх дном с тех пор, как я проснулась на лавочке в Вашингтон-Сквер-парке. Мой банковский счет в «Чейз Бэнк» закрыт, возможно, годы назад. Мой рабочий стол занят искрящейся Джоузи в клетчатой юбке и с ногами, которые, кажется, не имеют начала и конца. Офис изменился до неузнаваемости. Почти все тут мне незнакомы. Все они думают, что я жила в Лондоне, что откровенно смешно. Кто забывает про то, что переехал в другую страну?

Я снова смотрю на сообщение, написанное на руке. «НЕ СПАТЬ! Я ЗАБЫВАЮ ВСЕ, КОГДА ЗАСЫПАЮ».

Это предложение отдается у меня в голове. Что еще я забыла? Я чувствую, что это что-то важное. Сколько бы я ни старалась, я не могу вспомнить, что бы это могло быть. Я знаю наверняка только то, что это время незаметно проскочило мимо меня.

«Какое сегодня число?» – вбиваю я в поисковую строку гугла.

«Второе ноября», – говорится в результате поиска.

Это удивляет меня. Мое последнее воспоминание датируется тридцать первым июля. Я отчетливо помню, что видела этот день отмеченным на календаре, приколотом к стенке моего рабочего места, когда я потянулась ответить на звонок.

Прошло три месяца.

Нет, не три месяца, поправляю я себя. Я концентрируюсь на дате на экране компьютера.

Прошло два года, и я не помню ничего. Как будто меня катапультировали в будущее.

Глава десятая

Двумя годами ранее

Ужин – просто катастрофа. Инвестор Марко, Дин Уолкер, падкий на молоденьких тип, ненавидящий брак, сразу обозначил, что ждет, чтобы я использовала свои контакты в «Культуре» и организовала бесплатную рекламу бурно растущему делу своей молодой жены.

Меня ставят в неловкое положение. Очевидно, другие варианты Марко найти спонсора накрылись. Он пытался говорить обо всем этом безразличным тоном, но, очевидно, многое поставил на эту намечающуюся сделку с Дином.

Эмили чуть за двадцать, она на несколько лет младше меня. Длинноногая девочка с волосами, которые больше клубничные, чем светлые. Ее бюст, если он настоящий, стал бы одним из новейших чудес света.

Дину чуть за шестьдесят; крашенные пересаженные волосы и лицо, накаченное ботоксом до такой степени, что он похож на похотливую горгулью. Бывший инвестиционный банкир, управляющий частным паевым фондом, встретил Эмили в Вегасе на конференции, посвященной экологически чистой энергетике.

– Остальное, – говорит он, театрально размахивая рукой в воздухе, – история.

Когда мы садимся за столик у окна, Дин и Марко сразу начинают обсуждать перспективы их делового предприятия. Я прошу Эмили рассказать о себе.

– Я танцовщица, но моя истинная любовь – мода. Я просто обожаю аксессуары, – с восторгом рассказывает Эмили. – Они могут создать или разрушить весь образ. Вот почему я разработала собственную коллекцию сумочек.

Она признается, что у нее нет дизайнерского образования и опыта в индустрии моды.

– Дин говорит, все, что мне нужно – это хорошая реклама, и мои дизайнерские работы расхватают. К тому же, у меня есть аккаунт в инстаграме.

Ее бренд называется «Эмбр».

– Две первые буквы моих имени и фамилии. Название – идея Дина.

Эмили достает свой телефон, находит и показывает свои дизайны сумок и аксессуаров в ленте инстаграма.

Очевидно, она пришла, чтобы разрекламировать их мне, а я, как предполагает ситуация, подбадривающе отвечаю.

Эмили спрашивает меня о «Культуре».

– Работать в таком престижном журнале, должно быть, просто потрясающе.

– О, это так, – отвечаю я. – Мне очень повезло.

Я пытаюсь перенаправить разговор в другое русло. И всякий раз она переводит его обратно на журнал. Наконец, она переходит к сути дела.

– Так как же в «Культуре» выбирают коллекции, которые вносятся в колонку горячих модных трендов? – спрашивает она.

Получить место в дизайнерской колонке «Культуры» – очень престижно, поскольку за ней пристально следят любители моды и закупщики товаров для универмагов.

– Сказать по правде, я не имею отношения к разделу моды. Как правило, я пишу статьи и беру интервью.

– Правда? О чем?

Видимо, беседуя с Марко, Дин слушает наш разговор. Он вмешивается, чтобы спросить меня напрямую, могу ли я организовать Эмили место на страницах журнала.

– Я как раз объясняла Эмили, что это решает редактор раздела моды. Конечно, я всегда рада замолвить доброе слово за талантливых дизайнеров, – сообщаю я как можно более дипломатично.

Его глаза сужаются, взгляд ожесточается. Он уже готов что-то сказать, но официант приносит наши блюда, искусно выложенные на огромные белые тарелки. Он проходит вокруг стола, выставляя перед нами наши заказы и объявляя названия блюд и их основные ингредиенты. Когда он доходит до Эмили, та спрашивает, веганский ли соус айоли в ее «цезаре» или нет.

– Боюсь, айоли не веганский. Шеф-повар говорит, что использует традиционный айоли, так как в салате яйца, анчоусы и сыр пармезан. Однако он может переделать салат с веганским майонезом, если хотите. Или, если вы предпочитаете веганскую еду, то можете выбрать что-нибудь из нашего веганского меню. Подобные блюда отмечены словом «веган».

Я восхищаюсь отсутствием иронии в его голосе.

– Сколько будут делать ее салат с нуля? – внезапно интересуется Дин.

– Около десяти минут, – отвечает официант.

– То есть нам придется ждать? – говорит Дин, уставившись на него.

Официант долю секунды стоит под его тяжелым взглядом, а потом эмоции покидают его лицо, и на нем волшебным образом возникает услужливое выражение. Я чувствую, что оно совсем неискреннее. Кто бы мог его винить? От грубости Дина я заливаюсь краской.

– Неважно. Оставьте этот салат, – произносит Эмили, пристально смотря в пол, будто желая под него провалиться.

– Нет, не оставят, милая, – сообщает ей Дин. – Выбери что-нибудь еще. Повара приготовят твой заказ как можно быстрее. Верно? – с вызовом спрашивает он.

– Мы постараемся.

Она выбирает греческий салат.

– В греческий салат добавляется сыр фета, это молочный продукт, – неуверенно замечает официант. – Это не проблема?

– Принесите ей то, что она хочет, – выпаливает Дин. – Пошевеливайтесь. Мы и так долго прождали.

Когда он уходит, Эмили достает дизайнерский пакет для покупок со своим логотипом и дарит его мне. Внутри ярко-желтая сумочка с кисточкой и подходящий по цвету кошелек.

Я уже хочу отказаться от подарка как можно вежливее, но Марко едва заметно трясет меня за руку. Он беспокоится, что я могу их оскорбить.

Мольба в глазах Марко берет верх. Я благодарю Эмили и разглагольствую о том, как мне нравятся ее сумки, хотя они броские и совсем не в моем вкусе.

Приносят салат Эмили. Шеф-повар предусмотрительно положил сыр в отдельную емкость с краю. Остальные блюда приносят вместе с десертами и кофе. Дин пользуется каждой возможностью уколоть официанта, который, по его мнению, с момента конфликта по поводу салата «цезарь» якобы ничего не может сделать правильно.

Я смотрю на Марко и беззвучно прошу сказать что-нибудь. Он незаметно качает головой, будто показывая, что бессилён. Думаю, что это так, если он хочет деньги Дина.

Когда официант приносит счет, Дин настаивает на том, что заплатит.

– Марко, в прошлый раз ты платил.

Они спорят. Дин побеждает, выхватывая счет и потрясая им в воздухе вместе с кредитной картой.

Пока официант обрабатывает кредитку и приносит ее обратно Дину для подписи, мы втроем болтаем. Я мельком замечаю, как Дин достает кошелек и оставляет наличность перед тем, как мы встаем из-за стола.

Только когда мы выходим из кафе, я слышу, как Дин шепчет Эмили, что официант пожалует о своей грубости и об ужасном обслуживании, когда увидит чаевые.

Уже на улице я поворачиваюсь и вижу в окно кафе, как официант берет мизерные десятидолларовые чаевые, все – долларовыми купюрами. По моей грубой оценке счета, официанту нужно было дать по меньше мере в четыре раза больше.

Официант поднимает голову и замечает, что я на него смотрю. Я совершенно подавлена. Дин и Эмили садятся в такси, а Марко целует меня на прощание и направляется к себе в квартиру. Я уже сказала ему, что из кафе сразу пойду домой, так как неподалеку располагается станция метро.

Когда Марко пропадает из виду, я иду обратно в ресторан. Наш столик уже подготовлен для следующих гостей, а официант принимает заказ у других посетителей. Улучив минуту, я подхожу к нему.

– Я прошу прощения... э-э-э... мои друзья были грубы, – говорю я ему. Покопавшись в кошельке, я протягиваю ему сорок долларов, на которые, по моим вычислениям, его обсчитали.

– Вам не нужно этого делать.

– Для начала нужно было оставить вам нормальные чаевые... Кевин, – я читаю его имя на бейджике. – Я обслуживала столики, когда училась в колледже. Я знаю, что это ваш доход.

– Спасибо, – отвечает он, положив деньги в карман.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он говорит:

– Кстати, я большой фанат ваших колонок в журнале «Культура».

– Спасибо.

Сказать по правде, меня пугает, что он внимательно слушал наши разговоры, когда обслуживал нас, и что он знает, кто я и для какого журнала пишу.

Глава одиннадцатая

Среда, 10:20

Детектив Дарси Хэллидей просматривала сделанные на телефон фотографии с места преступления, пока Джек Лавель вел синий «форд» по загруженной дороге на их пути в городской морг. Эти фото – все, что у них пока что было, официальные снимки они получат позже днем.

Фотограф-криминалист все еще работал, когда они ушли. В это же время тело жертвы поместили в черный пакет и на носилках отнесли в катафалк, стоящий на улице. Выходя из здания, Хэллидей и Лавель старательно игнорировали репортеров, выкрикивающих вопросы из-за полицейского ограждения.

– Наша самая большая проблема на данный момент – это то, что у нас нет никаких документов, чтобы идентифицировать жертву, – уже в машине сказал Лавель Хэллидей. – Расследования убийств в разы сложнее, когда личность жертвы не установлена.

Владелец квартиры будет в Гонконге только во второй половине дня по нью-йоркскому времени. Лавель надеялся, что владелец сможет рассказать, кто арендовал квартиру в ту ночь. Этот человек с большой вероятностью был жертвой или, возможно, убийцей.

Во всех других отношениях расследование выглядело перспективным, хоть это было лишь начало. Криминалисты обнаружили отпечатки пальцев по всей спальне и в ванной.

На самом деле замешательство насчет изобилия улик, найденных на месте преступления, было чем-то вроде скрытой головной боли. Им очень повезет, если они получат результаты экспертизы к концу недели. Сотни отпечатков должны быть соотнесены и сопоставлены друг с другом перед тем, как их пропустят через систему. Лаборатории необходимо исключить отпечатки жертвы и всех тех, кто был на месте преступления, включая уборщицу Ольгу. Ее попросили предоставить свои отпечатки пальцев и образцы волос, когда она пришла в участок, чтобы подписать показания.

В морге Хэллидей и Лавель ждали у входа в прозекторскую, пока патологоанатом закончит делать надрез в форме латинской буквы «У» на ужасно ожиревшем теле мужчины средних лет. Безжизненная голова жертвы покоилась на специальной пластине, тело до пояса закрывала простыня.

Старший патологоанатом – доктор шестидесяти лет с проплешиной, обрамленной полукругом седых волос. У него довольно подходящая фамилия – доктор Каттер, хотя обычно все обращались к нему по имени – Ричард.

– Я могу вам помочь, детективы? – спросил доктор Каттер, оторвав взгляд от металлического стола для вскрытия, когда разрез был завершен.

– Может, вы сможете ускорить вскрытие тела, которое только что положили в отсек двадцать четыре? – попросил Лавель. – На данном этапе у нас проблема с его идентификацией. Мы не нашли на месте преступления ничего, что могло бы указать нам на его имя.

– У меня целая очередь из тел на вскрытие и двое сотрудников на больничном, – сказал Каттер. – Но мы точно сможем взять оттиск зубов сегодня, даже если придется подождать вскрытия пару дней.

– Все, что сможете, док, – ответил Лавель. – Мы не нашли орудия убийства, поэтому нам нужно выяснить, какого рода предмет был использован, чтобы продырявить жертву. Кстати, это моя напарница, детектив Дарси Хэллидей.

Патологоанатом взял в руки круглое электрическое лезвие, чтобы разрезать грудную клетку.

– Детектив Хэллидей, не знаю, что вы сделали, чтобы вытянуть короткую соломинку и стать напарницей Джека. Но в любом случае примите мои глубочайшие соболезнования.

Он включил электрическую бормашину и начал работать круглым лезвием в теле, лежащем перед ним на столе.

– И именно поэтому, – Лавель прошептал Хэллидей с иронией, когда они развернулись, чтобы уйти, – ни один детектив-мужчина не любит стоять слишком близко к доктору Ричарду Каттеру, когда тот делает вскрытие.

После их краткого визита в морг Лавель сделал быстрый крюк в лабораторию криминалистов. Он припарковал машину во второй ряд и высадил Хэллидей, чтобы та отнесла несколько улик, которые требовалось как можно скорее изучить. Среди них была бутылка вина в пластиковом пакете, которую Хэллидей обнаружила рядом с кроватью. Детектив надеялась, что в коллекции улик она окажется сокровищем. Были все шансы, что на бутылке остались отпечатки пальцев убийцы, и, возможно, даже слюна, так что они смогут извлечь из нее ДНК преступника.

– Мы поедем обратно в участок, – сказал Лавель, когда Хэллидей вернулась в машину. – Первая партия записей с камер видеонаблюдения вскоре должна туда прийти. Я ожидаю, что мы получим сотни часов записи, которые необходимо тщательно просмотреть.

Хэллидей повернула голову и взглянула на Лавеля. Она задалась вопросом, не пытается ли он спихнуть на нее обязанность просмотреть все записи с камер. Это был тот тип кабинетной работы, который ей доставался с тех пор, как она перевелась в убойный отдел. Словно читая ее мысли, Лавель сказал ей, что найдет двух детективов и пару полицейских для просмотра записей.

– Нам обоим нужно работать в полевых условиях. Не быть прикованными к письменному столу, – сказал он.

Небольшой команде неопытных копов было поручено искать оружие убийства в мусорных баках и сливах в окрестностях здания, где было совершено убийство. Другая команда ходила по округе, стучась в двери. Они собирали записи с городских и частных камер неподалеку от места убийства и проверяли, не видел ли кто что-нибудь подозрительное прошлым вечером...

Единственной зацепкой, с которой могли работать Хэллидей и Лавель, пока не придут видео с камер, была надпись на окне спальни. Хэллидей приближала и отдаляла на экране фотографию со словом «ПРОСНИСЬ!», написанным кровью жертвы.

– Когда-нибудь видели надпись кровью на месте преступления? – спросила она Лавеля.

– Несколько раз, – признался он. – Обычно когда убийца был до беспамятства накачан наркотиками или находился в психическом припадке. В таких случаях они пишут много безумных вещей, иногда кровью или фекалиями. Обычно они пишут какой-то бессвязный бред.

– Но не в этом случае, – сказала Хэллидей, уставившись на лаконичную надпись на фотографии с места преступления. – Убийца что-то хотел донести. Вопрос только в том, что именно и зачем вообще заморачиваться и писать «ПРОСНИСЬ!» кровью на окне?

Даже несмотря на то, что Хэллидей была приписана к участку Лавеля уже пару месяцев, те два часа, что они работали вместе над раскрытием убийства, были самым долгим периодом, который она когда-либо проводила в его компании.

Они знали друг друга мельком. Она кивала ему несколько раз, когда видела его поднимающим тяжести в фитнес-центре, где и сама занималась, – неподалеку от участка. Они ездили вместе на лифтах и терлись плечами, готовя себе кофе в кухонном уголке сыскного бюро. Они посещали множество командных встреч в участке. Их обычное взаимодействие никогда не заходило дальше стандартных любезностей, и они никогда не работали вместе над делами.

Хэллидей находилась в отделе достаточно долго, чтобы понять, что Лавель редко общался с остальной командой. Несмотря на это, остальные детективы относились к нему с тем же почтением, что и к капитану.

– Что сказали вам соседи, когда вы опрашивали их ранее? – спросил Лавель, поворачивая налево рядом с участком.

– Подросток, сын одного из соседей, который живет в конце коридора, сказал, что запоем смотрел сериал, лежа в кровати, когда ему послышалась, как гроыхнула дверь. Он думает, что это произошло где-то в два часа ночи.

– Как он может быть уверен во времени? – усомнился Лавель.

– Серия почти заканчивалась. Он поставил будильник и лег спать сразу после того, как она закончилась. Возможно, что шум, который он слышал, наделал убийца, уходя из квартиры.

– Вы разговаривали с кем-то еще?

– Женщина, живущая по диагонали напротив квартиры, ничего не слышала и не видела прошлым вечером. Однако вчера утром, примерно в десять, когда она ждала лифт, чтобы поехать на работу, она заметила выходящую из него пару. Она сказала, что мужчина был похож на Райана Рейнольдса. Поэтому она его и запомнила. У его спутницы были темные волосы. Очень длинные.

– Пара пошла в квартиру, где произошло убийство?

– Она не видела, куда они направились, так как зашла в лифт, и двери за ней закрылись. Но она сказала, что никогда не видела его раньше. Это может ничего и не значить. Две квартиры на этом этаже регулярно сдаются на сайтах краткосрочной аренды. Там всегда появляются новые лица. Мое предчувствие говорит мне, что пара пошла именно в ту квартиру.

– Почему вы так считаете?

– Длинные темные волосы, которые я нашла на подушке и в ванной. Это подходит под описание женщины с очень длинными волосами, про которую говорила соседка.

– Значит, вы думаете, что наш убийца – женщина.

– Вполне возможно. Это объясняет, почему она накачала его. Чтобы он не сопротивлялся.

Пока они стояли на светофоре, Лавель позвонил в охранную компанию, ответственную за камеры в доме, чтобы выяснить, когда копии записей будут готовы к отправке в полицию. Ответственный работник сказал, что это может занять еще несколько часов.

– У меня нехорошее предчувствие, – пробормотал Лавель, повесив трубку и нажав на педаль газа, когда светофор загорелся зеленым.

– Нам правда нужны эти записи, – сказала Хэллидей. – Камеры безопасности могли запечатлеть убийцу.

– Согласен. Если, конечно, у убийцы не было крыльев, и он не улетел в окно шестого этажа. В таком случае дело швах, – отметил Лавель.

– Что сказал вам консьерж, когда вы разговаривали с ним? – спросила Хэллидей.

– Он не видел никого и ничего подозрительного, заступил на смену только в шесть утра, за час до того, как уборщица нашла тело. Посоветовал нам поговорить с консьержем, которого он сменил. Я пару раз звонил, но его телефон выключен. Предполагаю, что он спит.

Паркуя машину рядом с участком, Лавель взглянул на Хэллидей. Она была относительно молода для детектива. Ей можно было бы дать чуть больше двадцати пяти. С тех пор, как ее временно перевели в отдел, они никак не общались. Он слышал, что она получила самые высокие за семь лет оценки по экзамену для детективов, а также выполнила выдающуюся работу по особо важному делу. Ему довелось увидеть ее на полигоне на прошлой неделе – она впечатляюще обращалась с оружием и всегда попадала в яблочко. Говорили, что в армии она была стрелком высочайшего класса. Он также знал, что девушка находилась в невероятной форме, так как часто видел, как она бежит на работу.

– Вы серьезный бегун, – сказал Лавель.

– Я бегаю для удовольствия. Хотя прямо сейчас я тренируюсь перед ультрамарафоном, который будет следующей весной в Аризоне.

- Какая дистанция?
- Шестьдесят четыре километра. По пустыне. Мы побежим ночью.
- Вместе с койотами и гремучими змеями?
- Что-то вроде того, – засмеялась она.
- Зачем вам проходить через такой ад?
- Хочу испытать себя. И собрать денег.
- На какую-то определенную цель? – уточнил он.

– Старый друг из армии, лейтенант Антонио Лопез. Потерял ногу, подорвавшись на mine на обочине дороги недалеко от Мосула. Участие в этом ультрамарафоне было в списке дел, которые Тони хотел сделать в жизни. Я делаю это от его имени. Заработанные деньги пойдут его маленькой дочке и на то, чтобы помочь другим раненым ветеранам в адаптации к гражданской жизни.

– Очень щедро с его и с вашей стороны. Но он тоже раненый ветеран. Ему не нужна помощь? – спросил Лавель.

– Ну, это грустная история, – ответила Хэллидей и замолкла на долгое время, глядя в окно машины и яростно моргая. – Так получилось, – наконец сказала она дрожащим голосом, – что Тони свел счеты с жизнью в этом году.

Глава двенадцатая

Среда, 10:35

Теперь, когда я знаю, что скакнула на два года в будущее, я быстро листаю новостные заголовки на рабочем ноутбуке в поисках чего-нибудь, что могло бы подстегнуть мою память. Утренний заголовок привлекает мое внимание.

– Убийца оставил послание кровью своей жертвы на окне спальни.

Когда я нажимаю на заголовок, открывается вся статья.

– Полиция полагает, что преступник написал «ПРОСНИСЬ!» на окне квартиры после того, как убил неизвестного мужчину, – говорится в статье. – Тело мужчины было найдено этим утром в жилом квартале в центре. Полиция Нью-Йорка ведет расследование.

Под статьей находится фотография следователей-криминалистов в синих куртках, поднимающихся в коридор многоквартирного дома. В статье ничего не говорится об убитом. Ни имени. Ни характеристик личности.

Есть предположения, что мужчину могли убить во время ограбления. Статья цитирует жителя дома, который сказал, что только за прошлый месяц в жилом комплексе случилось несколько мелких краж и даже одна квартирная кража со взломом.

Ближе к концу текста указан адрес здания. Я прекращаю читать и открываю свой личный почтовый ящик в надежде, что электронная почта развеет туман, окруживший меня с самого пробуждения на лавочке в парке.

Система не принимает мой пароль. Уведомление о безопасности говорит мне, что «с моего аккаунта была зарегистрирована необычная активность». Для восстановления доступа к почтовому ящику на мой номер телефона был отправлен код. Проблема заключается в том, что у меня нет моего телефона.

Когда я пытаюсь получить доступ к своим социальным сетям, происходит то же самое. После того как три варианта пароля не приняты, мне заблокирован доступ к социальным сетям, а также к почтовому ящику. Меня отрезали от моей электронной жизни.

Телефон в комнате для совещаний внезапно звонит, поражая своей настойчивостью.

– Да?

– Лив, это Ди с ресепшна. У меня для вас звонок. Не вешайте трубку, я переведу его на вас.

После одного гудка звучит мужской голос:

– Лив?

Что-то в этом приглушенном голосе заставляет волосы на затылке встать дыбом.

– Да? – в горле комок. Я едва могу говорить громче, чем шепотом.

– Куда ты его положила?

– Положила что?

– Нож, – шипит он. – Что ты сделала с чертовым ножом, Лив? Ты взяла долбаный нож, когда я был в ванной, и просто ушла с ним.

– Я не знаю, о чем вы. Вы, должно быть, ошиблись номером, – я борюсь с желанием повесить трубку. Я чувствую себя обязанной узнать больше.

– Не говори мне, что заснула и снова все забыла, – говорит голос.

Он пугает меня точностью своего замечания.

– Откуда вы знаете, что я просыпаюсь без памяти?

– Потому что ты теряешь свою долбаную память всякий раз, когда засыпаешь. Слушай, вот что я хочу, чтобы ты сделала...

Дверь шумно распахивается. Я накрываю телефонную трубку рукой, когда Джоузи просовывает голову в дверной проем.

– Плановое заседание по поводу весеннего выпуска вот-вот начнется, – сообщает она. – Нам бы хотелось, чтобы вы присоединились. Как почетный гость. Все ждут вас.

– Хорошо. Эм, конечно. Это было бы замечательно. Я подойду, как только закончу с этим звонком, – отвечаю я.

– Конечно, – говорит все еще парящая над полом голова Джоузи.

Я прижимаю телефон к груди, пока Джоузи не уходит.

– Кто вы? – шепчу я в трубку, когда она закрывает за собой дверь.

На линии никого. Я слышу только гудки, означающие, что линия занята.

Я со щелчком кладу трубку. Тошнотворный ужас скользит по телу. Происходит что-то ужасное, и у меня нет ни малейшего представления, что.

Глава тринадцатая

Двумя годами ранее

Мы битый час ходим вокруг мудбордов и образцов цветов, обсуждая планы на декабрьский выпуск «Культуры». До декабря почти шесть месяцев, но рождественский выпуск – это всегда крупное событие, что означает месяцы дополнительной подготовки, страницы специальных материалов и развороты с глянцевой рекламой.

После того как мы высказали свои мнения по поводу цветов и дизайна обложки, Фрэнк, наш редактор, поручает нам статьи, которые нужно написать вдобавок к нашей обычной норме. Мне достается тема еды. По понятным причинам еда – это всегда важная тема декабрьского выпуска. Не менее важны и авторские статьи, подводящие итоги года.

– Мне всегда нравится, когда в наших статьях в конце года есть свежий взгляд, – напоминает всем Фрэнк. Наоми, которой приятно считать себя нашим штатным колумнистом рубрики про искусство, не скрывает своей ярости, когда Фрэнк поручает мне написать про культурную жизнь города.

В любом случае я никогда не нравилась Наоми. Уж точно не после того, как пожаловалась на Джорджа, фотографа, с которым она встречалась, когда тот положил руку на мое бедро и сделал мне непристойное предложение по пути на музыкальный фестиваль, который мы должны были освещать. В итоге он был уволен после того, как выяснилось, что это был его излюбленный подкат к молодым репортершам. С тех пор Наоми довольно сильно ненавидела мою скромную персону.

По окончании летучки Фрэнк подпрыгивает с места и торопливо уходит в свой кабинет, чтобы ему не пришлось выслушивать жалобы по поводу его назначений. Я иду за ним.

– Фрэнк, в штате есть журналисты, куда более осведомленные о мире искусства, – на ум мне приходит Наоми, которая изучала искусствоведение и относится к любому, кто пишет об искусстве в «Культуре», как к человеку, который не просто наступает ей на пальцы, а бьет по ним молотком.

– Это именно то, что я хочу, чтобы ты сделала, Лив, – говорит он. Мы проходим мимо стены обрамленных исторических обложек журнала «Культура» и заходим в его кабинет.

– В прошлый раз, когда я написала обзор на выставку Мило Зи, он засудил и меня, и журнал. Ты точно хочешь снова так рисковать?

– Это все было на публику. Он отозвал иск, – безапелляционно заявляет он. – Твоя статья попала этому засранцу прямо куда надо. Она прожарила его. Остальные СМИ словно с цепи сорвались после того, как вышел выпуск.

Фрэнк умолчал о том, что шумиха в СМИ привела к тому, что Зи обвинили в избиении своей девушки и в конечном счете «отменили».

– Это был всего лишь обзор. Я не намеревалась разрушать его карьеру.

– Тут нет причин чувствовать себя виноватой, Лив. Ты делала свою работу: написала жестокую правду о его художественной выставке. Мне понравилась рецензия, понравилась она и нашим читателям. Вот почему тебя повысили.

Он достает прошлогодний ноябрьский выпуск с полки позади своего стола и читает мою статью безэмоциональным голосом:

«Уж точно не пай-мальчик. Мило Зи описывает себя как непримиримого художника-бунтаря и основателя собственной школы нигилистского искусства миллениалов. Зи практически получил статус гуру среди своей более чем миллионной аудитории в инстаграме, которая называет его не иначе как #BeЗикий.»

Выставка Зи «Сумма нас» демонстрирует огромные полотна, написанные краской, сделанной из жидкостей его собственного тела. Зи говорит, что резал запястья, чтобы получить кровь для самого большого полотна, названного «Желание смерти2». Он заявляет, что практически умер, когда писал эту удивительно непримечательную картину.

Выставка в Нью-Йорке включает новые работы, написанные Зи после оглушительного успеха в Лондоне. Среди них #ВеЗикий выставляет свои настоящие испражнения – внутри прозрачного куба из эпоксидной смолы, свисающего с потолка галереи, – а также винный бокал, наполненный плевками Зи и помещенный в рамку на стене.

Пресс-агент Зи описывает его работу как «просветляющий взгляд на состояние человека. Она напоминает нам, что мы не являемся суммой наших частей, но лишь частями своей суммы».

Я не эксперт в постмодернистском абстрактном искусстве, но вынуждена признать, что нахожу соскабливание плесени с плиточных швов в моей ванной при помощи старой зубной щетки куда более просветляющим, чем работы Зи, и куда более удачным заявлением о состоянии человека».

Фрэнк бросает журнал на стол.

– Вот почему я хочу, чтобы ты написала для рождественского выпуска. Этот тон. Этот сарказм.

– Фрэнк, я не была саркастичной. Я была искренней, – говорю я без всякого выражения на лице.

– Ты разорвала его в клочья так, как никогда не смогла бы сделать Наоми. Она чересчур восторженно пишет о художниках, с которыми пытается наладить связь. Так, выметайся, Лив. Мне нужно готовиться к совещанию по поводу бюджета.

Перед тем как вернуться за свой стол, я останавливаюсь у кабинета нашего редактора колонки мод, Сони, и спрашиваю, что она думает по поводу коллекции сумочек Эмили. Я даю ей образцы, которые вручила мне Эмили, а также ссылку на ее страничку в инстаграме, чтобы посмотреть другие ее работы.

– В лучшем случае они выглядят как дешевая и безвкусная подделка. В худшем, ну, позволь мне предположить, что она найдет новое увлечение. Я не представляю, как она сможет построить серьезную карьеру, если все ее работы – это копирка культовых дизайнов.

Она передает мне обратно сумочку и кошелек, полученные мной от Эмили, держа их кончиками пальцев, будто они заражены.

От ее прямоты у меня почти что камень с души сваливается. Я могу честно сказать Марко, что сделала все возможное, чтобы о коллекции Эмили написали в журнале. Надеюсь, в случае, если это вызовет у Дина бурю эмоций, они не будут направлены прямо на Марко. Вспоминая его поведение в ресторане, я несколько не сомневаюсь, что он более чем способен на мелочные акты мести.

Когда я возвращаюсь к своему столу после позднего обеда, то вижу, что на клавиатуру наклеена бумажка. На ней написано: «Кевин просил тебя перезвонить». На ней также его номер телефона.

Кевин – это официант из ресторана, куда я ходила с Марко, Дином и Эмили. Это был его третий звонок.

Я ответила на его первое сообщение, думая, что оставила что-то в ресторане. Конечно, я ничего не оставляла. Он сказал, что звонит, чтобы поблагодарить за доброту и за то, что я вернулась, чтобы отдать чаевые. Несмотря на то, что он был необычайно вежливым, этот звонок напугал меня. Как и его следующий звонок, на который я не ответила.

Я комкаю записку и бросаю ее в урну. Сообщения от Кевина начинают меня пугать.

Глава четырнадцатая

Среда, 11:02

Волосы детектива Дарси Хэллидей были влажными после быстрого душа, который она приняла в женской раздевалке участка. Она переоделась в синий костюм и бирюзовую рубашку, которые хранила в шкафчике. Ее значок детектива был прикреплен к поясу, а служебное оружие лежало в кобуре на левом бедре. Наручники свисали сзади брюк.

Она шагнула назад и осмотрела фотографию надписи «ПРОСНИСЬ!» с места преступления, которую распечатала и прикрепила скотчем на окно у своего стола.

Лавель отошел от своего рабочего места, чтобы взглянуть.

– Что думаете? – спросил он.

– Была ли надпись предназначена жертве? – спросила Хэллидей. – Сожаление о том, что его убили? Или она была написана для кого-то другого? И зачем писать на окне, а потом опускать шторы? Почему не держать их открытыми? Или не написать на стене рядом с телом?

– Потому что надпись не предназначалась жертве, – сказал Лавель, соглашаясь с ходом ее мыслей.

– Именно. Вот почему убийца сделал надпись задом наперед – чтобы быть уверенным в том, что она хорошо читается с улицы. Убийца делал заявление во внешний мир, а не жертве.

Стеклянная дверь за ними громко открылась. Оба повернулись и увидели детективов Роско и Трэна из Центрального отдела по расследованию ограблений, идущих к ним через ряды столов.

– Похоже, прибыла кавалерия, – поприветствовал Лавель двух детективов, протягивая им руку.

Они расчистили два стола рядом с местом Хэллидей у окна, где оба детектива, временно переведенные в убойный отдел, будут помогать им с расследованием. Они переведены на пару недель. Срок может быть меньше или больше, в зависимости от того, как скоро наметится прорыв в деле.

Мобильник Хэллидей зазвонил как раз тогда, когда Лавель подвел детективов к ней для знакомства. Она быстро пожала им руки, а затем ответила на звонок.

– Хэллидей, – произнесла она, отойдя к окну, на которое прикрепила фото.

Звонил Оуэн Джеффрис, старый армейский друг, которого взяли в ЦРУ после окончания его последнего контракта.

– Так ты получил мое голосовое сообщение, – сказала она.

– Конечно. Что стряслось?

Кратко обрисовывая Джеффрису убийство, Хэллидей переслала ему фотографию жуткой надписи на окне.

– Есть идеи? – спросила она.

– Она демонстрирует преднамеренность, – заметил он, когда получил фото.

– Почему ты так думаешь?

– Необычно, что надпись находится в таком месте, чтобы ее можно было легко прочитать снаружи. Зеркально отображено не только слово, но и формы букв. Я считаю, что такая сложная надпись, сделанная без ошибок, особенно в очень напряженной ситуации, как, например, после совершения убийства, требовала бы холодного рассудка и планирования.

– Планирования какого рода? – спросила Хэллидей.

– Достаточно просто попрактиковаться писать задом наперед на бумажке перед убийством. Или даже на тыльной стороне ладони. В таком случае убийца может копировать надпись буква за буквой, чтобы избежать ошибок. На присланном тобой фото нет ошибок или

неточностей в передаче перевернутой надписи. Отсюда можно предположить, что все было запланировано заранее.

Капитан вызвал всю следственную группу к себе в кабинет. Хэллидей прикрыла трубку и попросила Лавеля начинать без нее. По его лицу можно было предположить, что это не самая умная ее идея – опоздать на свой инструктаж.

Она взяла записную книжку, лежащую на другом краю стола, и написала: «Разговариваю со старым другом из своего отряда, он сейчас в ЦРУ. Дайте мне пару минут». Он кивнул и направился в кабинет вместе с Роско и Трэном.

Хэллидей спросила Джеффриса, сможет ли он прогнать надпись через аналитическую базу данных ЦРУ, чтобы сравнить подчерк с окна с миллионами других попавших туда.

– Я могу сделать даже лучше. Я могу прогнать ее через разработанный нами алгоритм, который может составить довольно хорошее досье вероятных характеристик того, кто сделал эту надпись.

– Каких характеристик?

– Он может сказать нам с высокой долей вероятности, мужчина это или женщина. Примерный рост написавшего. Левша это или правша. Носитель английского или нет. Оценить возраст написавшего, так как стиль письма, которому учат в школе, изменяется со временем. Такого рода характеристики, – сказал он. – Обычно нужно оставлять заявку на такую процедуру, но так как мы старые друзья, я могу проскочить этот этап и прогнать надпись для тебя сегодня.

– Я надеялась, что ты это скажешь, – ответила она.

– Убедись, что криминалисты вырезали стекло и отсканировали его, – проинструктировал Джеффрис. – Так результат будет точнее, чем если мы возьмем фото или станем использовать контуры надписи.

Скрип колес портативной доски, которую Хэллидей втащила в кабинет капитана Кена Кларка, тут же прервал разговор.

Капитан сидел на крае стола и слушал, как Джек Лавель кратко рассказывал о деле. Лавель прислонился спиной к шкафу для документов, скрестив руки на груди. Роско и Трэн сидели на диване перед большим внутренним окном, из которого открывался вид на ряды заваленных бумагами столов. Детектив Трэн встал, чтобы уступить место Хэллидей, но она жестом показала, чтобы он оставался на месте.

– Наш судмедэксперт полагает, что жертва была убита единичным колющим ударом, – сказал Лавель. – Смерть была мгновенной или почти мгновенной. Никаких лишних ран. На месте преступления все было опрятно и в порядке. Никаких следов борьбы. Судя по уликам, возможно, там была женщина.

– Почему женщина? – перебил капитан.

Лавель посмотрел на Хэллидей, наклоном головы предложив ответить на вопрос.

– Мы нашли длинный черный волос, предположительно женский, на подушке возле тела жертвы, – объяснила Хэллидей. – Вчера утром соседка видела женщину с длинными темными волосами, выходящую из лифта вместе с мужчиной. Мы считаем, что этот мужчина мог быть жертвой.

Хэллидей пустила по рукам пачки распечатанных фотографий с места преступления, которые она сделала на свой телефон. Среди них были фото окровавленных стоп жертвы и надписи, сделанной кровью на окне спальни.

– «ПРОСНИСЬ!» – вслух прочитал капитан. – Это политическое заявление?

– Мы пока не знаем, – сказала Хэллидей.

– Думаю, это заказное убийство, – сказал Роско. – Как часто нам попадается жертва только с одной колотой раной? Я скажу, как часто. Никогда. Ран всегда несколько. Иногда десятки или больше. Не думаю, что порезы на ступнях считаются.

– Не считаются. Они почти наверняка сделаны после смерти, – отметила Хэллидей. – Насколько нам известно до получения результатов вскрытия, жертва была убита одним ударом ножа в сердце и умерла быстро. Брызг крови почти не было. Вы правы. Очень редко слышно о случаях, когда при убийстве был нанесен один-единственный удар. Обычно бывают раны, нанесенные при самообороне, или избыточное количество ран, или – иногда – раны, нанесенные в нерешительности.

– Именно, – согласился Роско. – Мало кто может убить человека одним ударом ножа. Только если есть навыки. Бывшие спецназовцы. Как только мы идентифицируем жертву, нам нужно посмотреть, не была ли она связана с организованной преступностью. Нам стоит обратить внимание на русских. Русская мафия набирает бывших спецназовцев. Эти парни определенно любят орудовать ножами.

– Ножи и яды, – сказал капитан. – И то и другое, видимо, сыграло свою роль в этом деле, – он постучал пальцем по фото винной бутылки, в которую, по словам Лавеля, могли подмешать седативный препарат. – Мы знаем, какой вид ножа был использован?

– Преступник забрал оружие убийства с собой, – ответил Лавель.

– Ну, а я что говорил! – добавил Роско. – Преступник настолько привязан к своему клинку, что не мог заставить себя бросить его. Это подкрепляет мою теорию о том, что это был наемный убийца.

– Это была не бандитская разборка, – тон Хэллидей был таким настойчивым, что все замолчали.

– Откуда вы знаете? – спросил капитан.

– Если бы это была бандитская разборка, то убийца использовал бы огнестрельное оружие. Две пули в голову – это куда быстрее и точнее, чем ножом.

Теперь, когда у нее было внимание ее коллег, Хэллидей сменила тон на отстраненный. Она знала по опыту, что нельзя показывать, что ты эмоционально вложил в свою теорию. Это был признак копа с шорами на глазах, а коп с шорами на глазах – дрянной следователь. Она не была зашоренной. Просто так случилось, что у нее было больше информации, чем у них.

– Даже у наемного убийцы есть предпочтения, – заметил Лавель.

– Наемные убийцы делают свое дело и уходят. Они не увлекаются арт-проектами, – сказала Хэллидей. Для усиления своей позиции она шлепнула фото с надписью «ПРОСНИСЬ!» под магнит на доске.

Лавелю нравилось, как Хэллидей стоит на своем. Он терпеть не мог, когда детективы, особенно молодые, опускали головы перед первыми признаками несогласия и принимали точку зрения группы.

– Надпись на окне могли сделать осознанно. Обманная наводка, – отметил Роско. – Я видел, как наемники обставляли место преступления так, будто это работа серийного убийцы. Фраза кровью на стене. Израненное тело, будто бы порезанное психом, – чтобы пустить всех по ложному следу.

– Я не иду по ложному следу, – Хэллидей была непреклонна.

– Так какова ваша теория? – спросил Лавель.

Он был согласен с Хэллидей, что это не дело рук наемного убийцы. Не было ничего конкретного, что бросилось бы ему в глаза, когда он был на месте преступления. Его суждение основывалось на чистом инстинкте, отточенном почти за два десятка работы в убийном отделе.

– Не буду строить догадки. Слишком рано, чтобы выдвигать теории. Мы даже не знаем личность убитого, – отметила она. Хэллидей не стала бы увлекаться теориями, пока нет свидетелей и работа криминалистов еще не закончена.

Она знала о предвзятости восприятия и том, как озвученные теории заставляют некоторых детективов неосознанно искать улики, подтверждающие их догадку, и игнорировать те свидетельства, которые ее опровергают.

– Давайте сосредоточимся на главных компонентах дела. Отпечатки пальцев, записи с камер видеонаблюдения и опознание жертвы, – подытожил капитан. – Следуйте за доказательствами.

Он встал на ноги, показывая, что инструктаж окончен.

– Держите меня в курсе. Я не хочу узнавать из вечерних новостей то, что должен был сперва узнать здесь, в этом кабинете. Детектив Лавель, оставайтесь.

Капитан дождался, пока все вышли из кабинета, и закрыл дверь.

– Джек, что думаешь по поводу Хэллидей? – капитан сел за свой стол.

– У нее хорошие инстинкты и наметанный на детали глаз. Нечасто увидишь такое сочетание, – сказал Лавель.

– Ага, у нее хорошая репутация, – согласился капитан. Попутно он копался в стопке папок на своем столе.

– Ты, похоже, не убежден? – спросил Лавель, заметив папку с именем Хэллидей.

– Говоря между нами, я вынужден рассмотреть изменение статуса Хэллидей: с временной замены Эла на его постоянную замену.

Заметив, как Лавель поднял бровь, капитан добавил:

– Эл подает документы на увольнение. В следующем месяце у нас будет вакансия в штат. Я хочу, чтобы ты обучил Хэллидей. Не хочу, чтобы мне заламывали руки и заставляли брать ее только для того, чтобы соблюсти гендерную квоту.

– Есть причины для сомнений на ее счет? – спросил Лавель.

– Ее военное досье под грифом.

– И?

– Не люблю досье под грифом. Я из-за них нервничаю.

– Готов спорить, что ее досье под грифом потому, что она служила в разведке, – ответил Лавель.

– Откуда ты знаешь, что она работала в военной разведке? – капитан заинтересованно подался вперед.

– Она только что разговаривала с парнем из ее прежнего подразделения. Сейчас он в ЦРУ. Не думаю, что тебе будет о чем беспокоиться, когда дело дойдет до ее досье. Оно под грифом потому, что засекречено.

– Возможно, – пожал плечами капитан. – И все же мне нужно знать, кто присоединяется к моей команде. Так как военные мне ничего не скажут, мне нужно, чтобы ты разузнал. Я не хочу рисковать и нанимать детектива, который окажется пассивным и нужным только для того, чтобы повысить процент женщин-оперативников в отделе.

– Ты просишь меня шпионить за ней? Не в моем стиле. Ты знаешь это.

– Не шпионить, Джек. Я хочу, чтобы ты посмотрел на нее в деле и сказал мне, готов ли ты доверить ей свою жизнь. Этому мне будет вполне достаточно.

Глава пятнадцатая

Среда, 12:01

На обед – сэндвич без корочки, с сыром и влажной люцерной, который я беру с большого блюда, заказанного на производственное совещание. Совсем не хочется есть. Я чувствую себя взвинченной, будто бы в организме не хватает кофеина. Я вставляю капсулу с ароматизированным кофе в кофемашину.

Пока она шумно шипит и плюется, я прислушиваюсь к шепоту за спиной.

– Не удивлена, что она кажется такой... потерянной и смущенной, после всего того, через что она прошла.

Разговор обрывается на полуслове, когда они понимают, что это я стою спиной к ним. Они быстро начинают обсуждать планы на выходные. Очевидно, я должна была поверить, что именно это они все время и обсуждали.

Я иду с кружкой кофе к офисному окну и пью, смотря вниз на улицу и пытаюсь понять, что мне делать. Я пыталась позвонить Эми после производственного совещания. Ее телефон был выключен – обычно это означает, что она на работе. Телефон Марко тоже выключен. Я думаю, что мне стоит уйти из офиса и пойти в полицейский участок, чтобы попросить там помощи, но я не доверяю полиции и боюсь того, что могу узнать.

За спиной раздается громкий шум, и я резко поворачиваюсь. Кто-то включил у телевизора звук, чтобы послушать дневные новости, не подозревая, что громкость была выкручена на максимум.

Иллюстрируя слова ведущей, на экране появляется видеозапись территории, прилегающей к многоквартирному дому, в котором, по словам диктора, произошло убийство. Я узнаю здание из статьи, которую читала до этого.

На экране возникает багряная надпись на окне квартиры. Камера фокусируется на слове «ПРОСНИСЬ!», и я подавляю внезапное желание посмотреть на запястье, где синей шариковой ручкой написано то же самое.

– В ходе расследования жестокого убийства пока неопознанного мужчины полиция попытается определить, что означает эта надпись и почему убийца ее оставил, – говорит ведущая.

Свежие видео мелькают на экране. Теперь крупным планом показывают двух детективов, быстро спускающихся по лестнице на улицу. Первый – привлекательная женщина с каштановыми волосами до плеч и в синей полицейской куртке. Второй детектив – мужчина с коротко стриженными темно-каштановыми волосами, щетиной и чернильно-синими глазами. Уходя, они оба не обращают внимания на репортеров, сующих микрофоны в их направлении и выкрикивающих вопросы об убийстве.

На следующем кадре видео в фургон заталкивают носилки с черным пакетом для тел.

– Полиция не разглашает имя жертвы и не сообщает, есть ли у них на этот момент подозреваемые, – докладывает телеведущая.

Она называет убийцу «Бессонным Киллером». Почти моментально внизу экрана появляется надпись, гласящая то же самое. Теперь в эфире репортер, находящийся на месте событий и стоящий около полицейской ленты.

– Неудивительно, что жители дома боятся, что могут оказаться следующими, – говорит репортер. – Хорошая новость – им не нужно беспокоиться слишком долго. Источник из полиции сказал, что улики, найденные на месте преступления, могут помочь опознать личность убийцы в течение нескольких часов.

Ведущая переходит к следующему сюжету. Я отворачиваюсь и случайно натыкаюсь на молодую женщину с кружкой кофе в руках. Он проливается мне на одежду.

– Мне та-а-а-к жаль, – говорит она, замерев от ужаса. – Это полностью моя вина. Я смотрела телевизор вместо того, чтобы смотреть, куда иду.

– Виноваты не только вы. Я тоже не смотрела, куда иду, – заверяю я ее, вытирая салфеткой мокрую одежду, чтобы избавиться от пятен. Вещи испорчены.

– Пятна от кофе – это прямо беда, – выкрикивает Клодин, стилист журнала, которая только что закончила обедать. – Пойдемте, Лив. Найдем вам в гардеробной какую-нибудь замену.

Гардеробная – это то место, где журнал хранит всю одежду и аксессуары, которые мы используем для фотосессий. Большинство нарядов бренды подарили журналу в надежде получить место в номере.

Я следую за Клодин в большую прямоугольную комнату с огромными окнами. В середине стоит здоровенный стол, на котором лежат отрезки ткани и образцы цвета. Вокруг него вдоль стен стоят длинные хромированные стойки с одеждой. Мудборды цветовых палитр, которые представляли на совещании ранее, стоят у окна.

Клодин с шумом двигает вешалки по стойке и достает пару штанов и кофт, предлагая мне выбрать наряд. Я отдаю предпочтение темным джинсам в обтяжку и свободному синему свитеру из кашемира.

Примерочная представляет собой небольшую кабинку с черной занавеской. Внутри нее стул и зеркало в полный рост. Я стягиваю с себя испачканную кофе одежду и бросаю ее на пол.

Я уже готова надеть принесенную Клодин одежду, когда взгляд падает на отражение моего полуобнаженного тела в зеркале. Мои предплечья покрыты надписями, сделанными шариковой ручкой и доходящими до локтей. Надписей так много, будто у меня набиты рукава. Некоторые из посланий смыты и нечитаемы. Другие – это неразборчивая бессмыслица, которая кажется мне параноидальной и бредовой. «НЕ ДОВЕРЯЙ НИКОМУ» и «НЕ ОТВЕЧАЙ НА ТЕЛЕФОН» – самые разборчивые из них.

Клодин протягивает руку в примерочную, чтобы повесить еще одну вещь на крючок на стене.

– Она замечательно будет сочетаться с тем нарядом. Как там у вас дела?

– Хорошо, – безэмоционально отвечаю я, уставившись на себя в зеркало.

Мой взгляд скользит вниз по лифчику и ребрам к верхней части живота. Он резко останавливается на чем-то, что я принимаю за размазанную по зеркалу губную помаду. Я подаюсь вперед, чтобы стереть красное пятно. Оно остается. И тогда я понимаю, что красное пятно – не на зеркале, а на моей коже, прямо под ребрами.

Я смотрю вниз и с любопытством ощупываю отметину пальцами. Это не отметина. Это уродливый сморщившийся кусок красной рубцовой ткани, который я никогда не видела.

Глава шестнадцатая

Среда, 12:08

Когда детектив Дарси Хэллидей вернулась после собрания у капитана, она увидела на своем столе конверт с мягкой подложкой. Внутри лежал черный жесткий диск, который доставили из компании, обслуживающей камеры видеонаблюдения в многоквартирном доме, где произошло убийство.

Хэллидей подключила жесткий диск к компьютеру. На нем были десятки файлов. В каждом файле – запись с одной из камер. Здание оборудовано камерами видеонаблюдения на каждом этаже, а также в лифтах, у входов и выходов.

Хэллидей нажала на файл с записью с камеры на этаже, где было совершено убийство. Камера была установлена под таким углом, чтобы показывать коридор, ведущий к лифтам. Видео было цветным, но оттенки были размыты. Хэллидей и не ждала голливудской картинки. Все, что ей было нужно – это четкое изображение лица подозреваемого.

Коронер сказал, что жертва, скорее всего, была убита за шесть-девять часов до того, как он обследовал тело. Это дало Хэллидей примерный временной промежуток, на котором стоит сконцентрироваться.

Хэллидей отматывала запись, пока не нашла кусок, снятый до полуночи. Свет в коридоре был выключен. В темноте ничего не было видно. Хэллидей пролистала «темный» кусок записи. Наконец, в начале третьего ночи, Хэллидей заметила изменение в тусклом свете у входной двери. Подросток, который жил по соседству, сказал ей, что слышал грохот двери примерно в это время.

Она увидела едва заметное движение открывающейся и затем закрывающейся входной двери. Хэллидей еще раз посмотрела видео, замедлив скорость воспроизведения и каждые несколько секунд останавливая картинку. Кто-то скрытно покинул квартиру и вышел на лестничную площадку посреди ночи.

– Думаете, это убийца? – спросил Лавель, смотря на застывший на экране силуэт через плечо Хэллидей.

– Вполне возможно, – Хэллидей пыталась сделать изображение четче. – Лучше сделать не смогу, – раздраженно сказала она. – Нам нужно просмотреть все записи с выходов. Должно быть более четкое изображение этого человека, выходящего из здания. На данный момент у нас только темное расплывчатое пятно.

– Роско и Трэн займутся этим, – заметил Лавель. – Нам скоро нужно будет уехать. Звонили криминалисты. Они готовы показать нам место преступления.

Хэллидей уже почти отсоединила жесткий диск, чтобы отдать его Роско, когда вспомнила кое-что важное.

– Подождите. Я хочу посмотреть, нет ли у нас изображения той пары, которая выходила из лифта вчера утром.

Она быстро нашла необходимую запись – в 10:08 предыдущего утра.

Хэллидей распознала пожилую женщину с короткими волосами, идущую к лифту. Это была соседка, с которой она разговаривала ранее. Дойдя до лифта, соседка нажала на кнопку и стала ждать. Двадцать секунд спустя двери лифта открылись, и из него вышли мужчина с женщиной.

Хэллидей поставила на паузу. Она была уверена, что мужчина был жертвой. Он был приблизительно того же роста и той же комплекции, что и труп, который она нашла в кровати на месте преступления этим утром. У мужчины на видео, как и у жертвы, тоже были рыжеватые волосы и те же отчетливые ямочки, не сходившие с его щек.

Рука мужчины обвивала талию длинноволосой женщины, когда они выходили из лифта, но это не был любовный жест. Выглядело так, будто он придерживает ее. На ней были джинсы и длинный свитер крупной вязки. Хэллидей могла разглядеть лишь завесу волос, скрывающих ее лицо.

Мужчина отпер входную дверь квартиры, и они оба вошли внутрь. Возможно, в последний раз. В течение следующих двадцати четырех часов мужчина был жестоко убит в той же квартире, а женщина исчезла.

Глядя на размытое изображение длинноволосой женщины, Хэллидей не могла не подумать о том, что они нашли главного подозреваемого. Она отмотала видео назад до момента, когда пара выходила из лифта. Она нажала кнопку «Начать воспроизведение», чтобы его пересмотреть.

– Посмотри наверх, – умоляла Хэллидей, но женщина продолжала глядеть себе под ноги.

– Она не посмотрит наверх, – произнес Лавель, недовольный их неудачей. – Как будто она намеренно скрывает свою личность от камер.

Хэллидей сделала скриншот лучшего кадра, который у них был. Большая часть лица женщины была скрыта, но всегда оставался шанс, что кто-то, кто знает ее, все равно ее идентифицирует. Хэллидей распечатала сотню копий, чтобы распространить фото среди полицейских, которые обходили дома поблизости с местом преступления. Судя по снимку, их подозреваемая – худая белая женщина среднего роста, с волосами кофейного цвета, достоящими до пояса.

– Нам может повезти. Возможно, кто-то распознает ее, – сказала Хэллидей Лавелю и достала распечатки из принтера, после чего проследовала за ним вниз к машине.

Глава семнадцатая

Двумя годами ранее

Я еду в метро с работы домой, когда телефон вибрирует в моей сумочке. Это Эми. Она пишет, что отправляется в мини-отпуск, так как перед следующей сменой в больнице у нее свободны три дня: «Ранний подарок ко дню рождения. Плюс мне нужно поработать над зага-ром!» За сообщением следует вереница из эмоджи «солнышко» и «пляж».

«Ты этого заслуживаешь, милая», – отвечаю я.

Она действительно этого заслуживает. Эми вот-вот закончит интернатуру. Я никогда не видела, чтобы кто-то так усердно работал. На прошлой неделе она отработала шесть ночных смен подряд. В иные дни она на ногах уже в пять утра, чтобы отправиться на утреннюю смену, которая часто плавно перетекает в вечернюю. Ее преданность своим пациентам просто невероятна.

Нас с Эми познакомил на вечеринке общий друг, который знал, что мы обе искали соседа для съема квартиры. Мы тут же нашли общий язык, хоть и из разных миров, у нас разный жизненный опыт. И все же за пять лет жизни под одной крышей, наша связь стала куда крепче, чем у просто соседей или даже у близких друзей. Эми – это сестра, которой у меня никогда не было.

Она единственный человек, которому я когда-либо рассказывала о своем кочевом детстве, в котором я меняла города и школы всякий раз, когда мама встречала нового мужчину. Когда это происходило, мама делала все что угодно, но только не уделяла внимание мне, посвятив себя отношениям. Я уж не говорю о ее кризисах, когда ее браки разваливались, и о том, как она пыталась вызвать у меня чувство вины за то, что именно я была причиной ее сердечных страданий. «Мужчины не хотят женщин с прицепом», – говаривала она мне. Эми все это знает.

Я тоже знаю все ее секреты: как, например, она начала интрижку с Бреттом за месяц до того, как он развелся со своей женой, и о ее мечте всей жизни – поехать в Африку, чтобы работать врачом в гуманитарной организации. Очень немногое мы держим в тайне друг от друга.

Вернувшись домой, я осторожно отпираю входную дверь и толкаю ее. Она со скрипом открывается.

– Тут только я и ты, детка, – говорю я Шоне, которая приветственно трется о мои ноги.

Я насыпаю ей в миску еды и пишу Марко, чтобы предложить ему прийти ко мне и остаться на ночь. Он не отвечает. Я набираю его номер. Звонок сразу перенаправляется на голосовую почту.

Изучив содержимое холодильника, я решаю, что даже хорошо, что Марко не ответил. У нас закончилось все, кроме яиц и сыра. Мне стоит сходить в супермаркет и купить продуктов, но я слишком разбита. Вместо магазина я иду в ванную, где набираю горячую воду и наливаю в нее лавандового масла.

Мне бы хотелось присоединиться к Эми в ее мини-отпуске. Я тоже чувствую себя выгоревшей. Работа была напряженной. Приходилось собачиться с коллегами куда больше, чем обычно. Наоми все еще в ярости, что мне поручили написание итоговой статьи об искусстве. В течение недели все ее общение со мной ограничилось аккуратной критикой на редакторских совещаниях. Это изматывало.

Я соскальзываю в горячую ванну и кладу махровое полотенце на лицо. Вода такая теплая, что я проваливаюсь в сон. Когда я просыпаюсь, вода в ванне уже остывает, а поблизости раздается прерывистый грохочущий шум. Сначала я думаю, что где-то в доме кто-то забивает

молотком гвоздь. Я прислушиваюсь к ударам и понимаю, что шум исходит откуда-то из моей квартиры.

Эми нет дома, поэтому это не может быть она. На мгновение я надеюсь, что это Марко получил мое сообщение и приехал принять мое приглашение. Но у Марко нет ключей от квартиры, поэтому это не может быть он. Единственный вариант, который остается – в моей квартире злоумышленник.

Холодный страх скользит внутри меня, словно жидкая ртуть, когда я аккуратно выбираюсь из ванны, стараясь не создавать всплесков воды. Я накидываю атласный халат на мокрое тело, не вытираясь, и прижимаю ухо к двери. Стук возобновляется.

Кто-то определенно в квартире. Я не взяла с собой в ванную телефон, поэтому не могу вызвать помощь. Вместо этого я бесшумно поворачиваю ручку двери вниз, считаю до трех, после чего открываю дверь и мчусь к выходу. На бегу халат развевается позади меня. Несмотря на мокрые руки, я быстро открываю замок. Я выхожу на лестничную площадку. С меня капает вода, и я чувствую себя полной идиоткой.

Внизу открывается уличная дверь. Я неуверенно подхожу к перилам, чтобы посмотреть, кто зашел. Это соседка, которая живет на четвертом этаже. Она не замечает меня, быстро поднимаясь по лестнице и переступая через две ступеньки за раз, ее глаза прикованы к телефону, так как она разговаривает по фейстайму. Дойдя до моего лестничного пролета, она поднимает взгляд и встречается со мной глазами, а потом идет дальше на свой этаж.

Встреча с соседкой заставляет меня почувствовать себя еще глупее. Конечно, нет никакого злоумышленника. Грохот, должно быть, издавали новые жильцы, собирая мебель, как они это уже делали недавно допоздна.

Я возвращаюсь в квартиру и закрываю за собой дверь. Уже внутри я звоню Марко.

– Все в порядке, Лив? – спрашивает он.

Бормотание голосов на фоне и лязг ножей о тарелки говорят мне, что он, должно быть, в ресторане.

– Ты получил мое предложение переночевать у меня? – я иду по коридору к спальне Эми, откуда раздавался грохот. Я чувствую себя храбрее, зная, что на телефоне кто-то, кто может вызвать копов, если что-то пойдет не так.

– Я только что увидел твое сообщение. Я бы хотел подъехать, но я не в городе.

– Где ты?

Половица позади меня скрипит. Я замираю.

– Технологическая конференция. Чикаго. Я вылетаю обратно в пятницу вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.